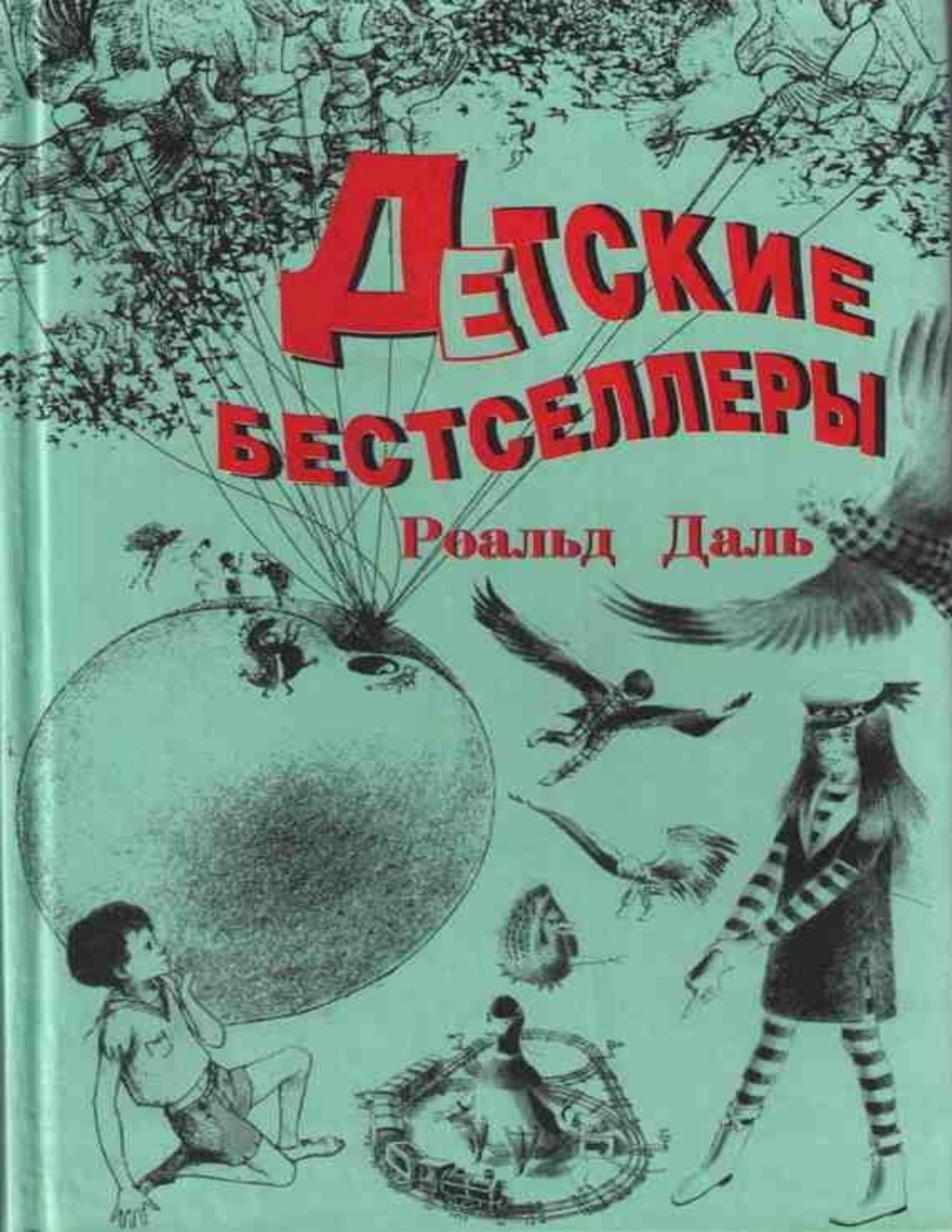


ДЕТСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Роальд Даль



Annotation

Знаменитая сказка в переводе Марка Фрейдкина с рисунками Фэйт Жак.

- [Роальд Даль](#)
 - [1. НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧАРЛИ](#)
 - [2. ФАБРИКА МИСТЕРА УИЛЛИ УОНКА](#)
 - [3. МИСТЕР УОНКА И ИНДИЙСКИЙ ПРИНЦ](#)
 - [4. РАБОЧИЕ-НЕВИДИМКИ](#)
 - [5. ЗОЛОТЫЕ БИЛЕТЫ](#)
 - [6. ДВА ПЕРВЫХ СЧАСТЛИВЧИКА](#)
 - [7. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЧАРЛИ](#)
 - [8. НАЙДЕНО ЕЩЕ ДВА ЗОЛОТЫХ БИЛЕТА](#)
 - [9. ДЕДУШКА ДЖО ПУСКАЕТСЯ НА АВАНТЮРУ](#)
 - [10. СЕМЬЯ НАЧИНАЕТ ГОЛОДАТЬ](#)
 - [11. ЧУДО](#)
 - [12. ЧТО БЫЛО НАПИСАНО НА ЗОЛОТОМ БИЛЕТЕ](#)
 - [13. ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ НАСТАЕТ](#)
 - [14. МИСТЕР УИЛЛИ УОНКА](#)
 - [15. ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ](#)
 - [16. СИМПАТИМПАСЫ](#)
 - [17. ОГАСТЕС ГЛУП ПОДНИМАЕТСЯ ПО ТРУБЕ](#)
 - [18. ВНИЗ ПО ШОКОЛАДНОЙ РЕКЕ](#)
 - [19. ЦЕХ ИЗОБРЕТЕНИЙ. ЛЕДЕНЦЫ ВЕЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ И ИРИСКИ ДЛЯ РАЩЕНИЯ ВОЛОС](#)
 - [20. ГИГАНТСКАЯ МАШИНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКИ](#)
 - [21. ПРОЩАЙ, ВИОЛЕТТА!](#)
 - [22. ПО КОРИДОРУ](#)
 - [23. КВАДРАТНЫЕ КОНФЕТЫ, КОТОРЫЕ ПОКОСИЛИСЬ](#)
 - [24. ВЕРУКА В ОРЕХОВОМ ЦЕХЕ](#)
 - [25. ОГРОМНЫЙ СТЕКЛЯННЫЙ ЛИФТ](#)
 - [26. ТЕЛЕВИЗИОННО-ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ](#)
 - [27. ТЕЛЕПОРТАЦИЯ МАЙКА ТЕЛИКА](#)
 - [28. ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ЧАРЛИ](#)

- [29. ОСТАЛЬНЫЕ ДЕТИ РАСХОДЯТСЯ ПО ДОМАМ](#)
 - [30. ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА ЧАРЛИ](#)
-

**Роальд Даляр
Чарли и Шоколадная фабрика**

для Тео



Это книга про пятерых детей:

прожорливого Огастеса Глупа;
избалованную Веруку Солт;
Виолетту Борегард, которая непрерывно жевала жевательную резинку;
Майка Телика, который целыми днями смотрел телевизор;



и про ЧАРЛИ БАККЕТА, который является главным действующим лицом.

1. НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧАРЛИ



Эти древние старик и старуха — родители мистера Баккета. Их зовут дедушка Джо и бабушка Джозефина.



А вот эти, такие же древние старик и старуха — родители миссис Баккет. Их зовут дедушка Джордж и бабушка Джорджина.



Это мистер Баккет. А это миссис Баккет.
У них есть маленький мальчик по имени Чарли. Вот он.



Как поживаете? А вы как поживаете? И еще раз: как вы поживаете?
Короче, он очень рад с вами познакомиться.



Вся эта семья — шестеро взрослых (пересчитайте сами, если не верите) и маленький Чарли — жила в тесном деревянном домике на окраине огромного города. И, увы, жилищные условия в этом домике отнюдь не отвечали требованиям такой большой семьи, отчего ее членам приходилось испытывать жесточайшие неудобства. Все семеро ютились в двух крошечных комнатушках и на всех семерых у них была только одна кровать, которую, естественно, выделили четверке бабушек и дедушек — ведь они так долго жили на свете и так от этого устали. Устали до такой степени, что последние годы уже, по сути дела, никогда и не вставали с этой кровати.



Так они и лежали: дедушка Джо и бабушка Джозефина с одной стороны, а дедушка Джордж и бабушка Джорджина — с другой.

А мистер и миссис Баккет вместе с маленьkim Чарли спали в соседней комнате, расстелив матрас прямо на полу.

Летом это было еще туда-сюда. Но зимой, когда по полу всю ночь напролет гулял ледяной сквозняк, это было совершенно невыносимо.

Разумеется, не могло идти даже речи о том, чтобы купить дом получше и побольше — такая покупка была семье Баккетов не по карману.

Единственным источником ее доходов являлся заработка мистера Баккета. Он работал на фабрике по производству зубной пасты, и целый день прикручивал колпачки к уже наполненным тюбикам. Но, увы, такую работу никак нельзя отнести к разряду высокооплачиваемых, и несмотря на то, что мистер Баккет был прекрасным работником и с годами насобачился прикручивать колпачки с просто невероятной скоростью, его заработка и в половину не хватало на потребности семьи — даже на сколько-нибудь приличную еду. Семья Баккетов могла позволить себе лишь скучное меню, состоявшее из хлеба с маргарином на завтрак, капустного супа на обед и картошки с капустой на ужин. Все в доме с нетерпением ждали воскресенья; хотя и по воскресеньям меню, как правило, оставалось тем же самым, но по крайней мере каждый мог рассчитывать на вторую порцию.

Нет, конечно, ни в коем случае нельзя было сказать, что семья голодала, но и двое дедушек, и двое бабушек, и родители Чарли, и особенно он сам каждый день с утра до вечера испытывали крайне неприятное чувство сосущей пустоты в желудке.

Хуже всех приходилось Чарли. Ведь несмотря на то, что родители частенько отдавали ему свою долю обеда или ужина, этого все равно было недостаточно для растущего организма, который неумолимо требовал чего-нибудь более питательного, чем вареная картошка и капустный суп. Но об одной вещи Чарли мечтал сильней, чем обо всем остальном вместе взятом, и этой вещью был... ШОКОЛАД.

Идя по утрам в школу, Чарли проходил мимо магазинов, где на

витринах громоздились целые залежи плиток шоколада, и тогда он останавливался и, истекая слюной, подолгу глазел на них, уткнувшись носом в стекло. Много раз за день ему приходилось видеть, как другие дети беззаботно достают из карманов или из сумок сливочные шоколадки и с аппетитом грызут их у него на глазах — это зрелище было для мальчика сущей пыткой.



И только один раз в году, на свой день рождения, доводилось Чарли отведать вожделенного лакомства. Вся семья целый год копила деньги к этой торжественной дате, и когда знаменательный день наступал, Чарли получал с утра в свое полное распоряжение одну маленькую плитку шоколада. Он бережно, словно она была из чистого золота, укладывал ее в свой заветный деревянный сундучок и несколько следующих дней даже не прикасался к ней, а только изредка позволял себе полюбоваться. Потом, когда терпеть уже не оставалось сил, он отрывал с одного конца кусочек обертки, обнажал крохотный кусочек шоколада и откусывал ровно столько, чтобы ощутить, как по языку растекается эта божественная сладость. Так он делал каждый день, что иной раз позволяло растянуть удовольствие от шестипенсовой плитки больше чем на месяц.

Но я еще не рассказал вам об одном ужасном обстоятельстве, которое заставляло нашего маленького Чарли, этого фанатичного любителя шоколада, страдать гораздо сильней, чем при виде плиток шоколада в витринах магазинов или сверстников, жующих сливочные шоколадки у него на глазах. Этим самым кошмарным обстоятельством, которое только можно вообразить, было вот что: В непосредственной близости от дома, где

жил Чарли, располагалась ОГРОМНАЯ ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА! Ее даже было видно из окна!

Только представьте себе!

Причем это была не просто большая шоколадная фабрика. Это была самая большая и самая знаменитая на свете «Үонказ Фэктари», принадлежавшая человеку по имени мистер Уилли Үонка, величайшему шоколадных дел мастеру всех времен и народов.

Что это было за волшебное место! Вокруг всего здания тянулась высокая стена, а вход на фабрику преграждали тяжелые железные ворота. Из-за стены непрерывно доносились какие-то странные свистящие звуки, а снаружи на добрых полмили вокруг воздух был наполнен тяжелым и густым ароматом расплавленного шоколада.

Дважды в день по дороге в школу и из школы Чарли приходилось идти мимо ворот фабрики. И каждый раз он замедлял шаг и с упоением втягивал ноздрями восхитительный шоколадный запах.

О, как он любил этот запах и как мечтал хоть разок попасть за железные ворота и посмотреть, что там делается внутри!

2. ФАБРИКА МИСТЕРА УИЛЛИ УОНКА

По вечерам, покончив со скучным ужином, Чарли обычно отправлялся в комнату своих четырех дедушек и бабушек послушать перед сном их рассказы о том о сем и пожелать им спокойной ночи.

Каждому из этих старииков было уже за девяносто. Сморщенные как сливы и тощие как скелеты, они целый день лежали в своей общей кровати, тесно прижавшись друг к другу и не снимая ночных колпаков. До прихода Чарли старики проводили время в совершенной неподвижности, но едва открывалась дверь и раздавался голос мальчика: «Добрый вечер, дедушка Джо! Добрый вечер, бабушка Джозефина! Добрый вечер, дедушка Джордж! Добрый вечер, бабушка Джорджина!» — как все четверо сразу садились на кровати и их старые морщинистые лица расцветали радостными улыбками.

И начинались бесконечные разговоры...



Старики любили маленького Чарли. Он был единственной радостью в их жизни, и его ежевечерних посещений они ждали целый день. Часто вместе с Чарли приходили и его родители. Они стояли у двери и тоже

слушали рассказы стариков, и тогда, быть может, лишь на какие-то полчаса комната становилась самым уютным местом на свете и вся семья хоть ненадолго забывала о голоде и нужде.

В один такой вечер Чарли спросил у своих бабушек и дедушек:

— Это правда, что шоколадная фабрика мистера Уонка самая большая на свете?

— Правда? — воскликнули все четверо разом. — Конечно, это правда! Господи, да разве ты сам не знаешь! Она в пятьдесят раз больше, чем любая другая!

— А мистер Уилли Уонка самый искусный шоколадных дел мастер во всем мире?

— Мой мальчик! — сказал дедушка Джо, немного приподнявшись на своей подушке. — Мистер Уилли Уонка самый чудесный, самый великий и самый гениальный шоколадных дел мастер, каких только видел свет! Это известно всем!

— Я знаю, что он очень знаменит и что он большой мастер своего дела...

— Мастер своего дела? — закричал старики. — Да он просто настоящий волшебник! Он может сделать все, что только захочет! Разве я не прав, друзья мои?

Остальные старики медленно кивнули головами.

— Именно так. И никак иначе.

— Неужели я никогда не рассказывал тебе о мистере Уилли Уонка и его фабрике? — спросил дедушка Джо.

— Никогда, — ответил маленький Чарли.

— Силы небесные! Да как же так могло случиться?

— Дедушка Джо, пожалуйста, расскажи сейчас!

— С удовольствием. Садись поближе, мой милый, и слушай внимательно.

Дедушка Джо был самым старшим из всех четырех бабушек и дедушек. Ему было девяносто шесть с половиной лет, а дожить до такого возраста удается не многим. Как все такие старые люди, дедушка Джо был уже очень слаб и порой целыми днями не произносил ни слова. Но по вечерам, когда в комнате появлялся его любимый внук, старики словно по волшебству снова обретал молодость. Он, казалось, сбрасывал с себя груз прожитых лет и опять становился пылким и восторженным юношей.

— О, мистер Уилли Уонка — это такой человек! — воскликнул он. — Знаешь ли ты, что он лично изобрел больше двухсот видов шоколада, причем каждый из них был с новой начинкой и вдобавок сладче, жирней и

душистей, чем продукция любой другой шоколадной фабрики?

— Совершенно верно! — подтвердила бабушка Джозефина. — И вдобавок он рассыпает их во все страны света! Правда, Джо?

— Да, моя дорогая! И всем королям и президентам в придачу! Но он производит не только шоколадки. Нет, друзья мои! У мистера Уилли Уонка есть в запасе и кое-что похлеще! Знаете ли вы, что он изобрел способ изготовления шоколадного мороженого, которое можно часами хранить безо всякого холодильника? Такое мороженое хоть целый день держи на самом солнцепеке, а оно даже не начнет подтаивать!

— Но это же невозможно! — сказал маленький Чарли, уставившись на своего деда.

— Разумеется, невозможно! — воскликнул старик. — Более того, просто абсурдно! Но мистер Уилли Уонка сделал это!

— Так и есть, — согласились остальные старики, кивая головами. — Мистер Уонка действительно сделал это.

— И кроме того, — продолжал дедушка Джо, произнося каждое слово медленно и отчетливо, чтобы Чарли не пропустил ничего, — мистер Уилли Уонка умеет делать зефир, который пахнет фиалками, большие карамели, которые, когда их сосешь, меняют цвет каждые десять секунд, и маленькие воздушные конфетки, которые исчезают, как только положишь их в рот. Он изобрел жевательную резинку, которая никогда не теряет вкуса, и сахарные шарики, которые можно надувать до гигантских размеров, а потом проткнуть булавкой и съесть. А еще он знает только одному ему известный способ, как делать маленькое сладкое яичко с черными пятнышками, немного похожее на яйцо синички, — пока его сосешь, оно становится все меньше и меньше, а потом вдруг на кончике языка оказывается крошечный розовый птенчик.

Дедушка Джо сделал паузу и медленно облизнулся.

— У меня текут слюнки, едва только я начинаю думать об этом, — произнес он.

— У меня тоже, — сказал маленький Чарли. — Но пожалуйста, рассказывай дальше!

Тем временем в комнату тихо вошли родители Чарли и молча остановились у дверей.

— Расскажи про этого ненормального индийского принца, — сказала бабушка Джозефина. — Чарли должна понравиться эта история.

— Про принца Пондишерри? — спросил дедушка Джо, заранее начиная смеяться.

— Это был самый обыкновенный психопат! — заявил дедушка

Джордж.

— Но зато очень богатый человек, — добавила бабушка Джорджина.
— А что такого он сделал? — заинтересовался Чарли.
— Слушай внимательно, — сказал дедушка Джо, — и все узнаешь.

3. МИСТЕР УОНКА И ИНДИЙСКИЙ ПРИНЦ

— Принц Пондишерри, — начал дедушка Джо, — написал письмо мистеру Уилли Уонка с просьбой не полениться приехать в Индию и построить огромный дворец, который был бы целиком сделан из одного только шоколада.

— И мистер Уонка построил такой дворец?



— Конечно, построил! Господи, что это было за сооружение! Сто комнат, и все, абсолютно все, сделано из темного или светлого шоколада. Шоколадные кирпичи были скреплены шоколадным цементом, окна были из специальной шоколадной пленки, стены и потолок покрывала особая шоколадная штукатурка. Из чистого шоколада были ковры и картины, мебель и постельное белье. И даже в ванной из крана тек горячий шоколад. А когда работа была окончена, мистер Уонка сказал принцу Пондишерри:

«Предупреждаю вас, что дворец не простоят долго, поэтому вам лучше начать есть его прямо сейчас». — «Что за чушь! — закричал принц. — Чтобы я ел свой собственный дворец! Чтобы я начал обгладывать лестницы или лизать стены! Ни за что на свете! Ведь я намерен жить в нем!» Но разумеется, мистер Уилли Уонка был, как всегда, совершенно прав. Вскоре случился очень жаркий день — солнце палило нещадно, и дворец начал таять. А глупый принц, который в это время дремал в своей гостиной, чуть не утонул в липком шоколадном озере.

Маленький Чарли застыл на краю кровати, глядя на деда во все глаза. Лицо мальчика пылало от возбуждения.

— Неужели все это правда? — спросил он. — Или ты просто разыгрываешь меня?

— Это чистейшая правда! — закричали все четверо стариков, — Абсолютная правда! Ничего, кроме правды! Спроси кого хочешь!

— И я могу сказать тебе еще одну столь же правдивую вещь, — добавил дедушка Джо, наклонившись к Чарли и понизив голос до еле слышного шепота. — НИКТО... НИКОГДА... НЕ ВЫХОДИТ... ОТТУДА!

— Откуда? — спросил Чарли.

— И НИКТО... НИКОГДА... НЕ ЗАХОДИТ... ТУДА!

— Куда? — воскликнул Чарли.

— Да на фабрику мистера Уонка!

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о рабочих, Чарли.

— Рабочих?

— На всех фабриках обязательно должны быть рабочие, которые по утрам и вечерам входят и выходят через фабричные ворота. И только на фабрике мистера Уонка ничего подобного нет. Скажи, разве ты видел хоть раз, чтобы кто-нибудь заходил туда или выходил оттуда?

Маленький Чарли медленно оглядел одно за другим лица всех четырех стариков. Эти лица дружески улыбались ему, но они были абсолютно серьезны. Ни на одном из них не было даже намека на подвох.

— Ну, — не отставал дедушка Джо, — видел или нет?

— Я... я точно не знаю, дедушка, — запинаясь проговорил Чарли, — но кажется, когда я проходил мимо, ворота всегда были закрыты.

— То-то же! — сказал дедушка Джо.

— Но должен же кто-то там работать...

— Там работают не люди. Или по крайней мере не обычные люди.

— Но тогда кто же? — воскликнул Чарли.

— В том-то и штука... Это еще одна хитрость мистера Уилли Уонка. В

это время от дверей раздался голос миссис Баккет:

— Чарли, милый, тебе пора в кровать. На сегодня вполне достаточно.

— Но, мама, должен же я узнать...

— Завтра, дорогой.

— Правильно, — сказал дедушка Джо, — я расскажу тебе обо всем завтра вечером.

4. РАБОЧИЕ-НЕВИДИМКИ

На следующий вечер дедушка Джо продолжил свою историю.

— Дело в том, Чарли, что еще совсем недавно на фабрике мистера Уилли Уонка работало несколько тысяч человек. Но в один прекрасный день ему пришлось их всех до одного распустить по домам и сказать, чтобы они больше не приходили.

— Но почему? — спросил Чарли.

— Из-за шпионов.

— Шпионов?

— Да. Все остальные шоколадных дел мастера ужасно завидовали, что мистер Уонка делает такой замечательный товар, и они начали засылать к нему шпионов, чтобы выведать секретные рецепты. Эти люди нанимались на фабрику под видом обычных рабочих и, попадая внутрь, разузнавали, как делается та или иная вещь.

— А потом возвращались на свои фабрики и все рассказывали?

— По всей видимости, это было так, — сказал дедушка Джо. — Потому что вскоре фабрика мистера Фикельгрубера тоже начала выпускать мороженое, которое не таяло даже в самый жаркий день. А фабрика мистера Продноуза — жевательную резинку, которая не теряла своего вкуса, сколько бы ты ее ни жевал. А фабрика мистера Слагуорта — сахарные шарики, которые можно надувать, перед тем как проглотить. И так одно за другим. Мистер Уонка был буквально в бешенстве. Он рвал на себе волосы и кричал: «Это ужасно! Я разорен! Везде эти проклятые шпионы! Мне придется закрыть фабрику!»



— Но ведь он не сделал этого, — сказал Чарли.

— Нет, он сделал именно это! Он объявил своим рабочим, что ему, конечно, очень жаль, но им всем придется отправиться по домам. Потом закрыл фабричные ворота и запер их на железную цепь. И вот на огромной шоколадной фабрике мистера Уонка стало тихо и безлюдно. Не дымились трубы, не шумели машины — и с того самого времени ни единой конфеты или шоколадки больше не было произведено. Ни один человек не входил и не выходил через ворота фабрики, и даже сам мистер Уилли Уонка куда-то исчез, как сквозь землю провалился. Шел месяц за месяцем, — продолжал дедушка Джо, — а фабрика оставалась закрытой. И все говорили: «Бедный мистер Уонка! Он был таким замечательным человеком и умел делать такие замечательные вещи! Но теперь все кончено — он больше не вернется!» И тут произошла совершенно поразительная вещь. Однажды рано утром из высоких фабричных труб повалили густые столбы белого дыма. Люди на улицах останавливались и в изумлении спрашивали друг друга: «Что это? Печи заработали? Мистер Уонка открывается снова!» Рабочие поспешили к фабричным воротам, надеясь, что мистер Уонка ждет их там с

распростертыми объятиями. Но ничего подобного! Огромные железные ворота были по-прежнему наглухо закрыты и заперты тяжелой цепью, а самого мистера Уонка нигде не было и в помине. «Но фабрика работает! — кричали люди. — Мы же видим, как дымятся трубы, слышим, как шумят машины, и чувствуем запах расплавленного шоколада!»

Дедушка Джо наклонился к Чарли, положил ему на колено длинный костлявый палец и тихо сказал:

— Но самым таинственным во всей этой истории были тени в окнах фабрики. Люди, стоявшие под окнами, видели сквозь замерзшие стекла, как внутри движутся маленькие темные тени!

— Чьи тени? — быстро спросил Чарли.

— Именно это всем и хотелось бы узнать. «Там полно рабочих! — кричали люди. — Но на фабрику никто не входил — ведь ворота-то заперты! Просто сумасшедший дом какой-то! И обратно тоже никто не выходит!» Но не было никакого сомнения, что фабрика работает. И так она продолжала работать все последующие десять лет. Больше того, шоколадные изделия и прочие сласти, которые она выпускала, становились все невероятней и изысканней. И уж конечно теперь, когда мистер Уонка изобретал что-то новое, ни мистер Фикельрубер, ни мистер Продноуз, ни мистер Слагуорт, ни кто-нибудь другой не могли это скопировать. Никакие шпионы больше не имели возможности попасть на фабрику и разузнать секреты мистера Уонка.

— Но, дедушка, — воскликнул Чарли, — кто же все-таки делает всю работу на фабрике?

— Этого никто не знает, Чарли.

— Но это же просто глупость! Неужели нельзя было спросить самого мистера Уонка?

— Его никто с тех пор так ни разу и не видел. Он никогда не выходит наружу. Наружу выходит только готовая продукция — конфеты и сладости — в закрытых упаковках с надписанными адресами. Она ежедневно подается по специальному транспортеру через отверстие в стене и сейчас же грузится на почтовые грузовики.

— Но, дедушка, кто же, по-твоему, может там работать?

— Мой дорогой мальчик, — вздохнул дедушка Джо, — это одна из самых больших загадок во всем шоколадном мире. Определенно можно сказать только то, что эти рабочие очень маленького роста. Маленькие тени, которые иногда появляются за окнами в вечернее время, когда внутри горит свет, могут принадлежать только каким-то крошечным существам — ростом примерно по колено нормальному человеку.

— Но таких людей не бывает, — сказал Чарли.

Как раз в этот момент в комнату вошел мистер Баккет, отец Чарли. Он вернулся домой с работы и чрезвычайно возбужденно размахивал сегодняшней газетой.

— Слыхали новости? — с порога закричал он.

Он развернул газету так, чтобы все могли видеть гигантский заголовок, который гласил:

ЗОЛОТЫЕ БИЛЕТЫ! НАКОНЕЦ-ТО НЕСКОЛЬКО СЧАСТЛИВЧИКОВ СМОГУТ ПОПАСТЬ НА ФАБРИКУ МИСТЕРА УОНКА!

5. ЗОЛОТЫЕ БИЛЕТЫ

— Ты хочешь сказать, что теперь и в самом деле можно будет попасть на территорию фабрики? — закричал дедушка Джо. — Ну-ка прочти нам поскорее, что там пишут!

— Хорошо, — сказал мистер Баккет, разворачивая газету, — слушайте:

Гениальный кондитер мистер Уилли Уонка, которого никто не видел последние десять лет, сделал сегодня следующее заявление: «Я, Уилли Уонка, принял решение позволить пятерым (только пятерым и не более) детям посетить в этом году мою фабрику. Я буду лично сопровождать этих пятерых счастливчиков и покажу им все ее чудеса и секреты. По окончании экскурсии в качестве специального приза каждый из пятерых получит столько шоколада и прочих сладостей, что ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Ищите Золотые Билеты! Пять Золотых Билетов, напечатанных на золоченой бумаге, вложены под стандартную обертку пяти обычных плиток шоколада. Эти плитки шоколада могут оказаться где угодно: в любом магазине, в любом городе, в любой стране — везде, где продаются кондитерские изделия фабрики Уонка. И те, кому достанутся эти пять счастливых билетов, будут единственными, кто сможет посетить мою фабрику и увидеть, как она теперь выглядит изнутри. Желаю удачи вам всем!»

(Подписано: Уилли Уонка.)

— Этот человек сошел с ума! — пробормотала бабушка Джозефина.

— Он — гений! — воскликнул дедушка Джо. — Он настоящий волшебник!

Только представьте себе, что сейчас начнется! Весь мир бросится покупать шоколадки Уонка, в надежде найти Золотые Билеты. Объемы продаж увеличатся во много раз! А как было бы здорово найти такой билет!

— А получить шоколада и конфет на всю оставшуюся жизнь? — сказал дедушка Джордж. — Подумать только!

— Это, наверно, целый грузовик! — вставила бабушка Джорджина.

— Я просто заболеваю, когда начинаю думать об этом! — сказала

бабушка Джозефина.

— Ерунда! — закричал дедушка Джо. — А представь себе, Чарли, ты разворачиваешь плитку шоколада, а там поблескивает Золотой Билет, а? Разве не здорово?

— Конечно, здорово, дедушка, — грустно сказал Чарли. — Но ведь шансов у меня практически нет — я же получаю только одну плитку в год.

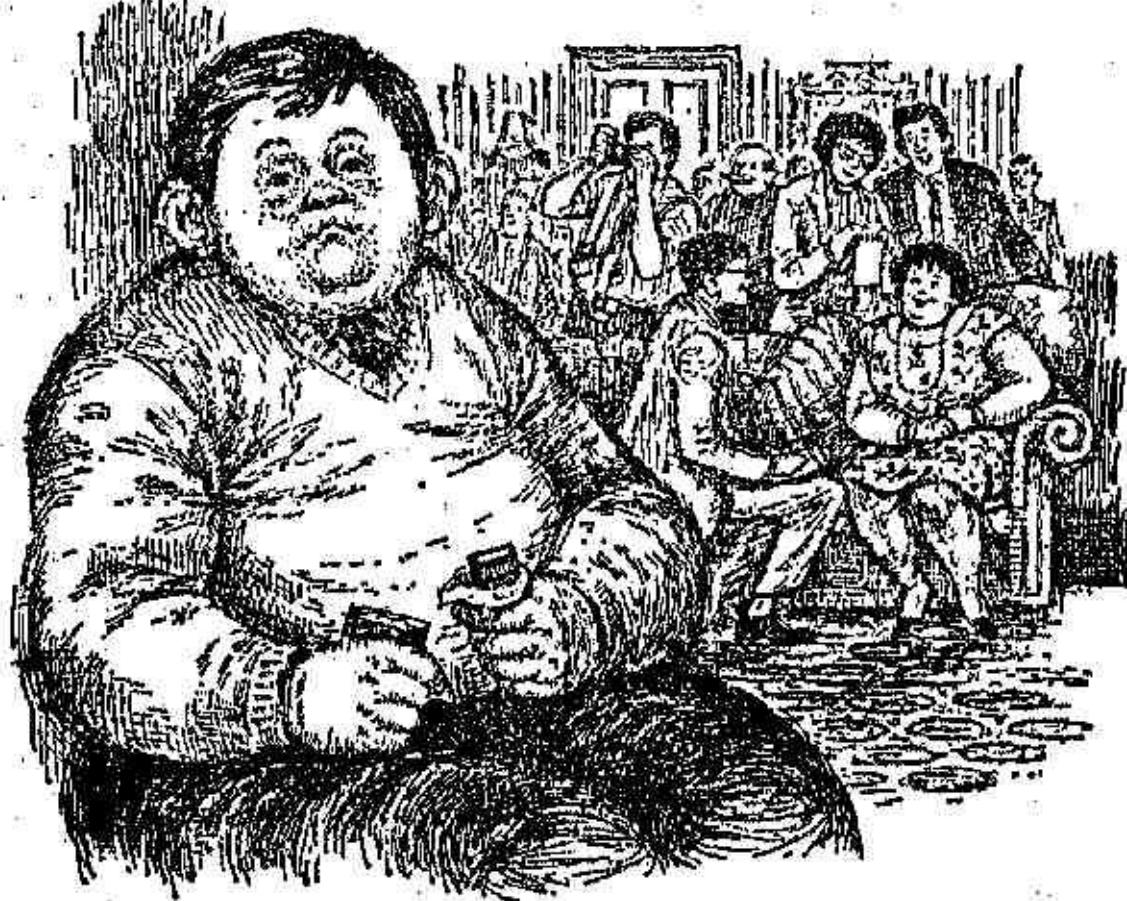
— Кто знает, дорогой, — проговорила бабушка Джорджина.

— Твой день рождения как раз на следующей неделе, и у тебя есть надежда.

— Боюсь, что, к сожалению, все это не совсем так, — сказал дедушка Джордж. — Гораздо больше шансов у тех детей, которые могут позволить себе покупать шоколадки каждый день. А на одну шоколадку в год надежда плохая.

6. ДВА ПЕРВЫХ СЧАСТЛИВЧИКА

Первый Золотой Билет был найден на следующий же день. Счастливчиком оказался мальчик по имени Огастес Глуп, и вечерняя газета, которую покупал мистер Баккет, поместила большой его портрет на первой странице. На фотографии был изображен девятилетний мальчик, такой толстый, словно его надували мощным насосом. Тяжелые складки жира свисали со всех частей его тела, а лицо было похоже на чудовищный шар из теста с двумя точками, маленьких жадных глаз. Как писала газета, в городе, где жил Огастес Глуп, все буквально помешались от радости. На домах развевались флаги, школьников распустили на каникулы и был даже устроен торжественный парад в честь новой знаменитости.



— Я не сомневалась, что именно Огастес найдет Золотой Билет, — заявила журналистам мать героя. — Он съедает в день столько шоколада, что было бы странно, если б билет достался кому-нибудь другому. Еда —

это хобби моего мальчика. Все остальное его не интересует. Но, что ни говорите, это все-таки лучше, чем в свободное время болтаться на улицах, хулиганить, стрелять из пугачей и все такое. И потом, я всегда говорила: он бы столько не ел, если б его организм постоянно не требовал пищи. Как-никак, ребенку нужны витамины. Для него будет огромной радостью посетить замечательную фабрику мистера Уилли Уонка! Мы горды за него как не знаю кто!

— Какая неприятная женщина! — заметила бабушка Джозефина.

— И какой отвратительный мальчишка! — раздраженно добавила бабушка Джорджина.

— Теперь осталось только четыре билета, — сказал дедушка Джордж. — Кому-то достанутся они?

Казалось, вся страна и даже весь мир были охвачены шоколадной лихорадкой. Все, кто только мог, в безумной спешке раскупали плитки шоколада, надеясь найти один из четырех оставшихся билетов. Взрослые женщины толпились в кондитерских магазинах, покупая по десять штук за раз, и, буквально не отходя от кассы, срывали с них обертки. Дети разбивали молотками свои глиняные хрюшки-копилки и тоже спешили в магазины, зажав монетки в кулаке. В одном городе знаменитый гангстер ограбил на тысячу фунтов местный банк и в тот же день истратил все деньги на покупку шоколадок. Когда полицейские ворвались в его квартиру, они застали бандита сидящим на полу среди горы шоколадных плиток, которые он вскрывал лезвием своей финки. В далекой России женщина по имени Шарлотта Русс заявила, что нашла второй билет, но вскоре выяснилось, что это всего лишь умелая подделка. Знаменитый английский ученый, профессор Неумытоу, изобрел специальный прибор, с помощью которого можно было, не срывая обертки, определить, есть ли внутри Золотой Билет. У этого прибора была механическая рука, которая выстреливала наружу и моментально вцеплялась мертвой хваткой во все, где имелась хоть крупица золота. Но, к сожалению, когда профессор демонстрировал свой прибор на публике у прилавка большого кондитерского магазина, механическая рука выстрелила наружу и вцепилась мертвой хваткой в золотой зуб одной герцогини, оказавшейся неподалеку. Произошла крайне неприятная сцена, и прибор был вдребезги разбит разъяренной толпой.

И тут перед самым днем рождения Чарли в газетах было объявлено, что найден еще один Золотой Билет. Удача улыбнулась девочке по имени Верука Солт, которая жила со своими богатыми родителями в одном огромном городе за океаном. И снова вечерняя газета мистера Баккета дала

на первой полосе портрет счастливицы. Она сидела в гостиной между своими сияющими родителями, улыбалась до ушей и размахивала над головой Золотым Билетом.



Отец Верики, мистер Солт, охотно поведал журналистам, как был обнаружен билет: «Дело вышло так, ребята. Когда моя девчушка заявила, что кровь из носу должна получить один из этих Золотых Билетов, я пошел в город и начал скучать все шоколадки Уонка, какие только попадались мне на глаза. Я скупал их тысячами! Сотнями тысяч! Потом я погрузил это все на несколько грузовиков и отправил на свою фабрику. Ведь я, ребята, — владелец фабрики по производству соленых орешков и там у меня работает почти сотня женщин. И я сказал им: „Значит так, девочки! С сегодняшнего дня вы перестаете колоть орехи и начинаете разворачивать шоколадки!“ И они взялись за дело. Все сотрудники моей фабрики теперь целыми днями с утра до вечера только срывали обертки с плиток шоколада, и больше ничего. Но прошло три дня — и все впустую. Это было ужасно! И с каждым днем моя маленькая Верика становилась все печальней. Когда я приходил домой, она бросалась мне навстречу с воплями: „Где мой Золотой Билет? Хочу Золотой Билет!“ И услыхав, что билета нет, начинала кататься

по полу, брыкаться и визжать, как дикая кошка. Ясное дело, я просто не мог видеть, как убивается моя девочка, и поклялся отыскать этот проклятый билет во что бы то ни стало. И тут под конец четвертого дня одна из моих работниц вдруг закричала: „Нашла! Вот он, этот Золотой Билет!“ — „А ну, давай его сюда!“ — сказал я и, схватив билет, помчался домой. И теперь моя дорогая малышка снова счастлива и в нашем доме опять воцарились радость и покой».

— Пожалуй, это будет похуже, чем тот толстый мальчишка, — сказала бабушка Джозефина.

— Ее бы нужно выдрать хорошенъко! — добавила бабушка Джорджина.

— Мне кажется, отец этой девочки играл не по-честному, правда, дедушка? — пробормотал Чарли.

— Он ее слишком балует, — сказал дедушка Джо. — А когда ребенка так балуют, то — попомни мое слово, Чарли, — из этого никогда не выходит ничего хорошего.

— Тебе пора спать, мой милый, — вмешалась миссис Баккет. — Не забудь, завтра твой день рождения и ты, должно быть, вскочишь ни свет, ни заря, чтобы распечатать свой подарок.

— Плитку шоколада Уонка? — воскликнул Чарли. — Это будет плитка шоколада Уонка?

— Ну конечно, дорогой.

— Ох, как было бы здорово, если б в ней оказался третий Золотой Билет!

— Зайди к нам, когда будешь разворачивать обертку, — сказал дедушка Джо. — Нам тоже интересно на это посмотреть.

7. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЧАРЛИ

— С днем рождения! — хором воскликнули четверо старииков, когда на следующее утро Чарли вошел к ним в комнату.

Растерянно улыбаясь, Чарли присел на краешек кровати. В руках он бережно и робко держал свой подарок, свой единственный подарок. **ПЕРВОКЛАССНЫЙ МОЛОЧНЫЙ ШОКОЛАД УОНКА** — было написано на обертке.

Четыре старых человека (по двое с каждой стороны кровати) приподнялись на подушках и взволнованно смотрели на эту плитку шоколада.

В комнату вошли родители Чарли и остановились неподалеку.

Было очень тихо. Все ждали, когда Чарли начнет разворачивать шоколадку, но он только смотрел на нее и его пальцы с нежностью гладили сверкающую обертку, которая негромко похрустывала под его рукой.

— Не нужно слишком огорчаться, если там не окажется того, что ты ждешь, — мягко сказала миссис Баккет, — Ведь на такую удачу трудно рассчитывать.

— Мама права, — добавил мистер Баккет. Чарли молчал.

— В конце концов, — сказала бабушка Джозефина, — во всем мире осталось только три счастливых билета.

— Не забывай, что, как бы там ни было, но плитка шоколада в любом случае достанется тебе, — напомнила бабушка Джорджина.

— «Первоклассный молочный шоколад Уонка!» — воскликнул дедушка Джордж. — Это самый лучший из всех! Он наверняка придется тебе по вкусу!

— Да, конечно, — прошептал Чарли.

— Вот и забудь про все эти Золотые Билеты и думай только о шоколаде, — сказал дедушка Джо. — Ну, что же ты не разворачиваешь?

Все взрослые прекрасно понимали, как глупо надеяться, что именно в этой плитке шоколада может оказаться счастливый билет, и они старались поделикатней подготовить Чарли к неминуемому разочарованию. Но они понимали еще и другое: как бы мал ни был этот шанс, но он все-таки был!

Его не могло не быть.

Ведь эта плитка шоколада была не хуже любой другой, в которой мог лежать заветный Золотой Билет.

Вот почему взрослые были взволнованы и возбуждены не меньше, чем

маленький Чарли, хотя и старались казаться совершенно спокойными.

— Давай, разворачивай свою шоколадку, а то опоздаешь в школу, — сказал дедушка Джо.

— Давно бы уж развернул, и дело с концом! — добавил дедушка Джордж.

— Пожалуйста, мой мальчик, разверни ее поскорей, — проговорила бабушка Джорджина, — а то у меня начинается сердцебиение.

Очень медленно Чарли начал отрывать угол бумажной обертки. Старики наклонились вперед, вытянув свои морщинистые шеи. Потом, словно уже не в силах терпеть, Чарли рванул обертку посередине, и на его колени упала... только светло-коричневая плитка шоколада. Золотого Билета не было и в помине.

— Что ж, — радостно сказал дедушка Джо, — этого следовало ожидать.

Чарли поднял голову, С кровати на него с нежностью смотрели четыре старческих лица. Он улыбнулся вымученной грустной улыбкой, пожал плечами и протянул матери плитку шоколада.

— Мама, попробуй кусочек. Давайте разделим ее на всех.

— Ни в коем случае! — сказала мама.

— Нет! Нет! Ни за что! — закричали взрослые, — Это все тебе!

— Ну, пожалуйста, — упрашивал Чарли, протягивая теперь шоколадку дедушке Джо.

Но никто к ней даже не притронулся.

— Тебе пора в школу, мой милый, — сказала миссис Баккет, обнимая мальчика за худые плечи. — Поторопись, а то опоздаешь.

8. НАЙДЕНО ЕЩЕ ДВА ЗОЛОТЫХ БИЛЕТА

Вечером того же дня в газете, которую покупал мистер Баккет, было объявлено, что найден не только третий, но и четвертый Золотой Билет.

«Найдено еще два Золотых Билета! — вопили заголовки. — Остался только один!»

— Ну что ж, — сказал дедушка Джо, когда вся семья после ужина собралась в комнате стариков, — давайте послушаем, кому они достались.

Мистер Баккет снова начал читать вслух. Он держал газету вплотную к глазам, потому что был близорук, а на очки у него не хватало денег.

«Третий билет был найден мисс Виолеттой Борегард. Когда наш корреспондент прибыл взять интервью у этой удачливой молодой леди, в ее доме царила радостная суматоха: щелкали фотоаппараты, сверкали вспышки, а люди пытались протолкнуться поближе к новой знаменитости. Сама знаменитость стояла на кресле посреди гостиной и держала Золотой Билет в высоко поднятой руке, размахивая им, как будто ловила такси. Она быстро и громко говорила, обращаясь ко всем сразу, однако разобрать ее олова было довольно сложно, потому что во время своей речи она продолжала окесточенно и неутомимо жевать жевательную резинку: „Обычно я всегда жую резинку, — радостно выкрикивала девочка, — но когда я услыхала про эти билеты мистера Уонка, то решила перейти на шоколадки, просто чтобы попытать счастья. А теперь я, конечно, снова возьмусь за старое. Я обожаю жевать резинку. Я без нее просто жить не могу. Я не вынимаю ее изо рта целыми днями и делаю перерывы только на завтрак, обед и ужин — на эти несколько минут я прилепляю ее за ухо, чтобы не потерялась. По правде говоря, я просто чувствую себя не в своей тарелке, если у меня во рту нет этого маленького кусочка. Честное слово! Мама говорит, что девочке это не к лицу и что ужасно некрасиво, когда челюсти все время ходят взад-вперед. Но она сама хороша. Я тоже могу сказать, что ее челюсти все время ходят взад-вперед еще почище, чем у меня. Но только это оттого, что она орет на меня каждые пять минут“.

„Довольно, Виолетта!“ — раздался голос миссис Борегард из угла комнаты, где мать героини стояла на пианино, чтобы ее не раздавила толпа. „Ладно, мамаша, не базарь! — отозвалась дочь.



— А теперь, — продолжала она, снова обращаясь к журналистам, — вам, наверно, будет интересно узнать, что кусок жевательной резинки, который сейчас у меня во рту, я жую уже больше трех месяцев. Это рекорд! Он превышает рекорд, установленный моей лучшей подругой мисс Корнеллой Принзмител. Она просто взбеленилась, когда узнала об этом! Так что этот кусок жевательной резинки — мое самое большое сокровище. На ночь я его прилепляю над кроватью, а с утра — снова в рот. По утрам жуется особенно славно — сперва резинка немного жестковата, но несколько хороших движений челюстями, и она опять становится мягкой. До того как я решила установить рекорд, я меняла резинку каждый день. Обычно я делала это в лифте нашего дома, когда возвращалась домой из школы. Почему в лифте? Потому что мне нравилось прилеплять старую резинку на одну из кнопок. И тогда она приклеивалась на пальцы тем, кто входил в лифт следом за мной и нажимал на эту кнопку. Вот потеха! Какой крик поднимали некоторые из них — особенно женщины в дорогих перчатках! Ах да, я забыла сказать, что просто в восторге, оттого что попаду на фабрику мистера Уонка, и надеюсь, что он, как обещал, обеспечит меня жевательной резинкой на всю жизнь. Ай да я! Ура!»

— Жуткая девочка! — сказала бабушка Джозефина.

— Какое ничтожество! — добавила бабушка Джорджина. — Попомните мои слова, когда-нибудь эта жевательная резинка встанет ей поперек горла!

— Папа, а кто получил четвертый Золотой Билет? — спросил Чарли.

— Сейчас посмотрим, — сказал мистер Баккет, снова уставившись в газету. — Значит, так: «Четвертый Золотой Билет был найден мальчиком по имени Майк Телик».

— Наверняка еще один урод, могу сказать заранее, — пробормотала бабушка Джозефина.

— Бабушка, не перебивай, пожалуйста! — сказала миссис Баккет.

«В доме у Теликов, — продолжил чтение мистер Баккет, — как и в домах всех других счастливых обладателей Золотого Билета, к приходу нашего корреспондента собралось уже много народа. Однако виновник торжества, молодой Майк Телик, казалось, был только раздражен всем этим сбирающим. „Болваны, разве вы не видите, что мешаете мне смотреть телевизор? — сердито кричал он. — Отвалите от меня!“ Этот девятилетний мальчик сидел, вперившись глазами в огромный телевизионный экран, и, не отрываясь, следил, как одна банда гангстеров поливала другую пулеметными очередями. Сам Майк был увешан ремнями и портупеями, из которых торчало не меньше двадцати игрушечных пистолетов всех размеров и разновидностей. Время от времени он выхватывал их и отчаянно палил в воздух. „Эй, потише! — орал он, когда кто-то пытался задать ему вопрос, — Я же просил не мешать мне. Это же настоящий боевик! Клевый фильмце! Я смотрю все подряд, даже разную лабуду, где нет стрельбы. Но больше всего я балдею от фильмов про гангстеров! Это такие крутые ребята! Особенно, когда начиняют друг дружку свинцом, или режутся на ножах, или — раз-раз-раз! — по башке кастетом! Вот это жизнь! Когда вырасту, обязательно буду таким, как они!“»



— Хватит! — резко сказала бабушка Джозефина. — Я не могу больше этого слушать!

— Я тоже — заявила бабушка Джорджина. — Неужели все нынешние дети — такие же выродки, как те, про которых нам пришлось здесь слушать?

— Ну конечно, нет, — с улыбкой сказал мистер Баккет. — Конечно, такие встречаются и, по правде говоря, довольно часто. Но не все, совсем не все.

— Теперь остался только один билет, — сказал дедушка Джордж.

— Да уж, — согласилась бабушка Джорджина. — И конечно, он достанется очередному маленькому негодяю, который его совершенно не заслуживает. Это так же точно, как то, что завтра на обед у нас будет капустный суп!

9. ДЕДУШКА ДЖО ПУСКАЕТСЯ НА АВАНТЮРУ

На следующий день, когда Чарли пришел домой из школы и заглянул в комнату своих бабушек и дедушек, все они громко храпели. Не спал только дедушка Джо.

— Тсс! — прошептал он и знаком подозвал мальчика подойти поближе. Чарли на цыпочках подошел к кровати.

Старик хитро подмигнул внуку и начал одной рукой сосредоточенно рыться у себя под подушкой. А когда эта рука вылезла наружу, в ней был зажат старый кожаный кошелек. Дедушка Джо вывернул его наизнанку, и на одеяло упала шестипенсовая монетка.

— Это мой неприкосновенный запас, — прошептал старик. — О нем никто не знает. Так вот, как насчет того, чтобы сделать еще одну попытку найти этот последний билет? Только ты должен мне помочь.

— Дедушка, ты в самом деле хочешь истратить свои последние деньги на это? — шепотом спросил Чарли.



— Конечно, хочу! — возбужденно прошипел старик. — И нечего со мной спорить! Я не меньше тебя мечтаю найти этот билет. Бери деньги — и бегом в ближайший магазин! Купишь первую попавшуюся шоколадку фабрики мистера Уонка и принесешь сюда. Мы с тобой вместе ее распечатаем!

Чарли взял маленькую серебряную монетку и быстро выскользнул из комнаты. Через пять минут он уже вернулся обратно.

— Принес? — прошептал дедушка Джо, чуть не задыхаясь от азарта. Чарли кивнул и протянул деду плитку шоколада. «ХРУСТАЩИЙ ОРЕХОВЫЙ ШОКОЛАД УОНКА» — было написано на обертке.

— Очень хорошо, — проговорил старик, садясь на кровати и потирая руки. — Садись поближе! Сейчас мы ее распечатаем. Ты готов?

— Готов, — проговорил Чарли.

— Отлично. Вот и начинай.

— Нет. Это твоя шоколадка. Ты должен сделать все сам.

Дедушка Джо трясущимися пальцами неумело попытался сорвать обертку.

— По правде говоря, нам не на что рассчитывать, — шептал он, нервно посмеиваясь. — Ты ведь и сам это понимаешь, правда?

— Да, — сказал Чарли, понимаю.

Они посмотрели друг на друга, и нервный смех деда передался внуку.

— Но запомни, — сказал старик, — самый маленький, ничтожный шанс у нас все-таки есть. Согласен?

— Да, — сказал Чарли, — конечно, есть. Но что ж ты не разворачиваешь?

— Всему свое время, мой мальчик, всему свое время. Как ты думаешь, с какого края мне следует начать?

— Вот с этого. Дальнего от тебя. Надорви сначала маленький кусочек, чтобы не сразу было видно.

— Так? — спросил старик.

— Да. А теперь еще немного.

— Продолжай ты, а то я [^]слишком волнуюсь.

— Нет, дедушка. Ты должен сделать это сам.

— Ну, ладно. Поехали!

Дедушка Джо сорвал обертку. Старик и мальчик затаили дыхание.

Под оберткой была плитка шоколада... и ничего больше. Тут до них дошло, как смешно все это может выглядеть со стороны, и оба громко расхохотались.

— Что здесь происходит, хотела бы я знать? — закричала, внезапно проснувшись, бабушка Джозефина.

— Ничего, — сказал дедушка Джо. — Можешь спать дальше.

10. СЕМЬЯ НАЧИНАЕТ ГОЛОДАТЬ

За следующие недели очень сильно похолодало. Сначала выпал снег. Он зарядил прямо с утра, как раз когда Чарли Баккет собирался в школу. Мальчик стоял у окна и видел, как с ледяного свинцового неба на землю летят густые снежные хлопья.

К вечеру вокруг маленького дома семьи Баккетов уже лежал плотный снежный покров толщиной в четыре фута, и мистеру Баккету пришлось прокопать дорожку от дверей к улице.

Потом поднялся резкий морозный ветер, который дул без перерыва сутками напролет. Господи, какой он был холодный! Все, к чему Чарли прикасался, казалось сделанным из льда, а стоило мальчику выйти за порог, как лютый холод набрасывался на него, словно разбойник с большой дороги.

По дому от дверей к окнам гуляли взад-вперед злые сквозняки, и негде было от них укрыться. Четверо стариков молча лежали в своей кровати, тесно прижавшись друг к другу и стараясь сохранить в своих старых телах хоть крупицу тепла. Волнение по поводу Золотых Билетов было давно позабыто. Все это отступило на задний план перед двумя жизненно важными проблемами: как согреться и как раздобыть еду.

Почему-то во время холодов люди, как правило, начинают испытывать просто волчий аппетит. Нас неодолимо влекут огромные дымящиеся бифштексы, горячие яблочные пироги и прочие согревающие яства. И поскольку большинство из нас — гораздо более счастливые люди, чем нам самим кажется, мы обыкновенно имеем возможность в той или иной степени удовлетворить свои гастрономические вожделения. К сожалению, этого ни в коей мере нельзя было сказать о Чарли Баккете — его семья была слишком бедна, и чем дольше стояли холода, тем сильней и невыносимей он мучился от голода. Обе плитки шоколада — та, которую он получил на день рождения, и та, которую он купил на деньги дедушки Джо, — были уже давным-давно съедены, и теперь ему оставались только все те же скучные капустные трапезы.

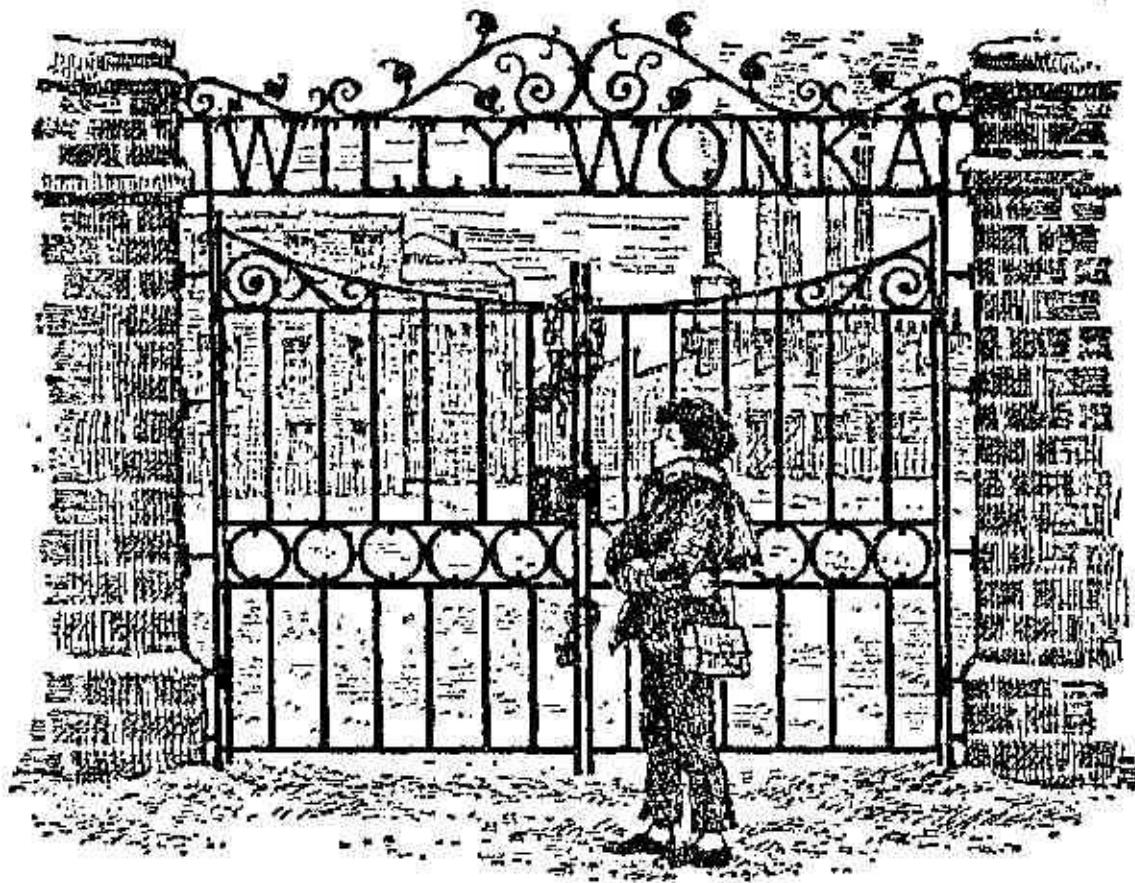
А вскоре они стали еще более скучными.

Случилось так, что владелец фабрики по производству зубной пасты, где работал мистер Баккет, неожиданно разорился и закрыл свое предприятие. Мистер Баккет попытался найти другую работу, но безуспешно. Порой ему удавалось заработать какие-то гроши на расчистке

улиц от снега, но это было по крайней мере в четыре раза меньше, чем нужно, чтобы прокормить семерых человек. Положение семьи стало просто катастрофическим. Завтрак состоял теперь всего лишь из одного тоненького ломтика хлеба, а обед — из половинки вареной картошки.

Медленно, но верно семья стала умирать с голода.

И каждый день по дороге в школу, с трудом пробираясь по занесенным снегом улицам, маленькому Чарли Баккету приходилось идти мимо огромной шоколадной фабрики мистера Уилли Уонка. И каждый день, когда мальчик подходил к самым воротам, он втягивал воздух своим бледным веснушчатым носиком и ощущал восхитительный запах расплавленного шоколада. Иногда он останавливался на несколько минут и делал ртом глубокие глотательные движения, как будто пытаясь насытиться этим ароматом.



— Ребенку просто необходимо лучше питаться, — сказал в одно морозное утро дедушка Джо, высовывая голову из-под одеяла. — О нас можно уже не беспокоиться — мы прожили свое. Но молодой растущий организм... Нет, так дальше не может продолжаться! Мальчик и так похож

на живой скелет.

— Но что тут поделаешь? — грустно пробормотала бабушка Джозефина. — Он не соглашается брать наши порции. Сегодня утром его мать пыталась украдкой подложить ему на тарелку свой единственный кусок хлеба, но мальчик даже не прикоснулся к нему и заставил ее взять хлеб обратно.

— Славный растет паренек! — сказал дедушка Джордж. — Он заслуживает лучшей судьбы.

А морозы между тем не спадали.

И с каждым днем Чарли Баккет все больше худел. Его лицо вытянулось и стало мертвенно-бледным. Кожа так плотно обтянула щеки, что сквозь нее простирали очертания костей. Еще немного, и он, без сомнения, мог бы опасно заболеть.

С удивительным спокойствием и той странной мудростью, которая неизвестно откуда приходит к маленьким детям во времена тяжелых испытаний, он произвел в своих привычках ряд изменений, на первый взгляд несущественных, но помогавших ему сохранять жизненные силы. Теперь по утрам он выходил из дома на десять минут раньше, чтобы не нужно было быстро идти или тем более бежать по дороге в школу. На переменах, когда другие дети выбегали на улицу поиграть в снежки и побарахтаться в снегу, он теперь тихо сидел в классе и отдыхал. Все его движения стали медленными и осторожными. Он подсознательно избегал любых необязательных энергозатрат.

И вот однажды, когда маленький Чарли, дрожа от пронизывающего ветра, брел домой из школы (по странной случайности в тот день он почему-то испытывал особенно острое чувство голода), он увидел, что в сугробе на обочине что-то блеснуло. Чарли сошел с тротуара и наклонился посмотреть. Блестящая штуковина была наполовину занесена снегом, но мальчик сразу понял, что это такое.

Это была монета в пятьдесят пенсов!

Чарли поспешно огляделся.

Может быть, кто-то только что обронил ее?

Нет, едва ли. Ведь она была наполовину занесена снегом. Несколько человек торопливо прошло мимо, упрятав носы в воротники своих пальто. Никто из них не искал под ногами никаких денег и не обратил ни малейшего внимания на мальчика, роющегося в сугробе.

Значит, эти пятьдесят пенсов принадлежат ему?

Он может взять их себе?

Чарли осторожно вытащил монетку из-под снега. Она была мокрой и

грязной, но от этого ничуть не менее восхитительной.

Целых пятьдесят пенсов!

Все глаза смотрел он на свое сокровище, крепко зажав его в коченеющих пальцах. В тот момент эта монетка означала для него только одно: на нее можно купить еду. Ноги мальчика сами повернули к ближайшему магазину, благо он был всего в десяти шагах. Обычная писчебумажная лавочка, где торговали всем на свете — от газет и канцелярских принадлежностей до сигар и всяких мелких сладостей. Чарли точно знал, что он сейчас сделает. Он купит самую лучшую плитку шоколада и прямо на месте съест ее целиком, до последнего кусочка. А остальные деньги отнесет домой и отдаст маме.

11. ЧУДО

Чарли вошел в магазин и положил мокрую монету на прилавок.

— Одну плитку «Первоклассного Молочного Шоколада Уонка», — сказал он.

Мальчик отлично помнил, как ему понравилась та шоколадка, которую он получил на свой день рождения.

Человек за прилавком выглядел упитанным и хорошо откормленным. У него были толстые губы, жирные щеки и еще более жирная шея. Складки жира выпирали над его воротником, как надувной резиновый круг.

Хозяин магазина повернулся, взял из стоявшей сзади коробки плитку шоколада и протянул Чарли. Мальчик схватил ее, быстро сорвал обертку и откусил большой кусок. Потом еще один, потом еще... Что это за радость — иметь возможность набить полный рот большими кусками чего-то сладкого и сытного! Подлинное счастье, подлинное блаженство!..



— Похоже, сынок, ты получил как раз то, что хотел, — добродушно сказал хозяин магазина.

Чарли кивнул. Говорить он не мог — его рот был набит шоколадом. Хозяин магазина выложил на прилавок сдачу.

— Не торопись, — сказал он. — У тебя заболит живот, если ты будешь глотать такие куски не жуя.

Но Чарли был не в состоянии остановиться. Он жадно глотал свой шоколад, и меньше чем за полминуты вся плитка исчезла у него во рту. Мальчик едва мог дышать, но он был счастлив. Счастлив так полно и безотчетно, как никогда в жизни. Он протянул руку за сдачей. Потом остановился. Его глаза были как раз на уровне прилавка, где лежали серебряные монетки. Их было ровно девять. Девять монеток по пять пенсов. Конечно, ничего не случится, если он истратит еще одну...

— Пожалуй... — тихо проговорил он, — пожалуй, я съем еще одну. Такую же, пожалуйста.

— Почему бы нет, — ответил толстяк.

Он снова повернулся назад, достал из коробки еще одну плитку «Первоклассного Молочного Шоколада Уонка» и положил перед Чарли.

Мальчик взял ее, сорвал обертку... и тут... и тут... внезапно... из-под нее блеснуло что-то золотое.

Сердце Чарли, казалось, перестало биться.

— Это же Золотой Билет! — завопил хозяин магазина, подскочив на целый фут. — Тебе достался Золотой Билет! Последний Золотой Билет! Понимаешь или нет! Эй, все идите сюда! Посмотрите на мальчика, которому достался последний Золотой Билет мистера Уонка! Вот он, у него в руках!

Казалось, этого человека сейчас хватит удар.

— В моем магазине! — орал он. — Это случилось в моем маленьком магазине! Пусть кто-нибудь сейчас же позвонит в газеты — надо, чтобы об этом узнали все! Осторожней, сынок! Не порви его, когда будешь вытаскивать — ведь это настоящее сокровище!

Буквально через несколько секунд в магазине уже толпилось не меньше двух десятков человек и еще вдвое больше пыталось протолкнуться внутрь с улицы. Всем хотелось посмотреть на Золотой Билет и на его счастливого обладателя.

— Где этот билет? — закрикнул кто-то. — Поднимите его повыше, чтобы всем было видно!

— Вот он! — закричал тот, кто был поближе. — Мальчик держит его в руках! Смотрите, как блестит!

— Как же такой замухрышка сумел его найти, хотел бы я знать? — злобно сказал какой-то здоровенный мальчиш카. — Я столько времени покупал по две дюжины плиток каждый божий день!..

— Подумать только! — завистливо проговорил другой. — Теперь он обеспечен шоколадом на всю жизнь!

— Да уж, ему бы не помещало немного подкормиться, — с усмешкой заметила какая-то девочка. — Смотрите, какой он заморыш — кожа да кости!

Чарли стоял не шевелясь. Он даже не вытащил свой Золотой Билет из упаковки, а только крепко держал ее обеими руками. Толпа вокруг шумела и толкалась, а мальчик ощущал что-то вроде легкого головокружения — как будто он потерял опору под ногами и плывет в воздухе, словно воздушный шарик. Его сердце бешено колотилось у самого горла.

В этот момент он почувствовал на своем плече чью-то руку и, подняв глаза, увидел над собой какого-то высокого мужчину.

— Послушай, мальчик, — прошептал тот, — я куплю у тебя этот билет. Как насчет пятидесяти фунтов, а? И новый велосипед в придачу? О'кей?

— Вы с ума сошли! — закричала женщина, стоявшая неподалеку. — Я даю двести фунтов! Хотите продать билет за двести фунтов, молодой человек?

— Ну, довольно! — решительно заявил толстый хозяин магазина, проталкиваясь сквозь толпу и крепко беря Чарли за руку. — Оставьте наконец ребенка в покое!

Он проводил Чарли до дверей и прошептал:

— Не вздумай отдать кому-нибудь свой билет! Сейчас же неси его домой, пока не потерял. Беги бегом до самого порога и нигде не останавливайся, понял!

Чарли кивнул.

— Знаешь, — с улыбкой сказал толстяк на прощанье, — мне кажется, тебе было просто необходимо что-то в этом роде. Очень рад за тебя. Удачи тебе, сынок!

— Благодарю вас, — проговорил Чарли и со всех ног пустился бежать по заснеженной улице.

Пробегая мимо фабрики мистера Уилли Уонка, он повернулся, помахал ей рукой и пропел: «Мы скоро увидимся вновь!» Через пять минут он уже был дома.

12. ЧТО БЫЛО НАПИСАНО НА ЗОЛОТОМ БИЛЕТЕ

— Мама! Мама! — закричал он, влетев как ураган в комнату старииков, где миссис Баккет подавала им на ужин традиционный капустный суп. — Мама! ОН достался мне! Посмотри, мама! Последний Золотой Билет! Он теперь мой! Я нашел на улице монетку и купил две плитки шоколада, а во второй из них оказался Золотой Билет! Вокруг меня собралась целая толпа — все хотели на него посмотреть, но хозяин магазина вывел меня наружу, и я бежал бегом всю дорогу домой. Мама, это *пятый золотой билет!* И он *теперь мой!*

Миссис Баккет молча стояла, уставившись на сына, а четверо старииков, которые сидели на кровати, держа на коленях миски с супом, с грохотом уронили ложки и застыли на своих подушках.

Несколько секунд в комнате царило абсолютное безмолвие. Никто не решался заговорить или даже пошевелиться. Это была, черт возьми, захватывающая минута!

Наконец дедушка Джо очень тихо проговорил:

— Ты ведь просто нас разыгрываешь, да, Чарли? Милые шутки нашего малютки?

— Я не шучу! — закричал Чарли, бросившись к кровати и выхватив большой и красивый Золотой Билет, чтобы показать деду.

Дедушка Джо наклонился вперед и начал тщательнейшим образом изучать билет, чуть ли не уткнувшись в него носом. Все остальные в молчании следили за ним, ожидая заключения экспертной комиссии.

Закончив обследование, дедушка Джо медленно поднял голову, посмотрел на Чарли, и блуждающая улыбка расплылась по лицу старика. Краска заиграла на его щеках, сияющие от счастья глаза широко раскрылись, а в самом центре маленьких темных зрачков заплясали искорки безумной радости. Старик сделал глубокий вздох, и тут как будто что-то взорвалось у него внутри. Он вскинул руки и бешено завопил: «Эге-ге-гей!» В тот же момент его длинное тощее тело взметнулось вверх, миска с супом полетела прямо в лицо бабушке Джозефине, и этот старый человек, которому было девяносто шесть с половиной лет и который последние двадцать из них не вставал с кровати, одним сумасшедшим прыжком вскочил на пол и прямо в пижаме начал отплясывать какой-то немыслимый

танец победы.

— Эге-ге-гей! — горланил он. — Да здравствует Чарли! Гип-гип-ура!!!

Тут открылась дверь и в комнату вошел мистер Баккет. Он целый день разгребал снег на улицах и выглядел таким продрогшим и усталым, каким и должен выглядеть человек после подобной работы.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Что это у вас тут делается?

Ему вкратце объяснили.

— Я не верю! — заявил мистер Баккет. — Этого просто не может быть!

— Покажи ему билет, Чарли! — закричал дедушка Джо, который, как дервиш в экстазе, все еще носился по полу в своей развевающейся пижаме. — Покажи своему отцу пятый и последний в природе Золотой Билет!

— Дай-ка мне взглянуть, сынок, — сказал мистер Баккет, зябко съежившись в кресле.

Чарли выступил вперед и протянул отцу бесценный документ.

Он и сам по себе был довольно красивой штукой, этот билет. Как будто лист чистого золота отбивали молотками, пока он не стал толщиной с лист бумаги. На одной его стороне какой-то особой, черной как смоль, краской было напечатано персональное приглашение от мистера Уонка.

— Прочти его вслух, — сказал дедушка Джо, который, наконец, немного успокоился и снова забрался в кровать, — чтобы все мы точно знали, что там написано.

Мистер Баккет дрожащими руками поднес Золотой Билет вплотную к своим близоруким глазам. Он, конечно, был слегка потрясен всем происшедшем, но сумел справиться с волнением и, откашлявшись, произнес:

— Хорошо, я прочту. Слушайте:

Счастливый обладатель Золотого Билета! Мистер Уилли Уонка приветствует тебя и от души жмет твою руку! Тебя ожидают баснословно щедрые дары и невероятные сюрпризы! Ибо ты и все остальные, кому посчастливилось найти Золотые Билеты, приглашены посетить мою фабрику и провести там целый день в качестве моих гостей. Я, Уилли Уонка, сам проведу вас по всей фабрике и покажу все, что там есть интересного. А когда придет время отправляться домой, за каждым из вас последует целая колонна больших автомобилей, нагруженных таким количеством самой лакомой снеди, которой, по моим

представлениям, должно хватить вам и вашим домашним на многие и многие годы, Причем, если когда-либо впоследствии эти запасы иссякнут, нужно только подойти к воротам моей фабрики, предъявить Золотой Билет — и я буду счастлив снова заполнить ваши кладовки всем, чем вам благорассудится. Таким образом, вы будете обеспечены всевозможными вкусностями на всю оставшуюся жизнь. Но уверяю, что это ни коим образом не окажется самым захватывающим событием, которое произойдет в день вашего визита. Я подготовил для тебя и всех остальных дорогих моему сердцу обладателей Золотого Билета много других, гораздо более фантастических и чудесных сюрпризов, настолько невероятных, что они смогут очаровать, восхитить, заинтриговать, озадачить и поразить вас сверх всякой меры: Даже в самых смелых своих мечтах вы и предполагать не могли, что с вами произойдет что-то похожее. Впрочем, ты скоро сам все увидишь. А теперь мои инструкции: день визита назначен на первое февраля. Именное этот день, и ни в какой другой, ты должен ровно в десять часов утра подойти к воротам фабрики. Смотри, не опоздай! Каждому из вас разрешено привести с собой одного или двух членов семьи, чтобы они приглядели за вами и могли убедиться, что с вами не произойдет никакого несчастья. И еще одна вещь: Золотой Билет должен непременно быть при тебе, иначе ты не сможешь пройти на фабрику.

Подписано: Уилли Уонка.

— Первое февраля! — воскликнула миссис Баккет. — Но это же завтра! Сегодня последний день января! Мне ли этого не знать?

— Ну и дела! — проговорил мистер Баккет. — А ведь ты права, дорогая!

— Ты успел как раз вовремя, мой мальчик! — закричал дедушка Джо. — Нельзя терять ни минуты! Нужно срочно начинать собираться! Тебе необходимо хорошенко умыться, причесаться, высморкаться, почистить зубы, постричь ногти, погладить рубашку. И, ради бога, не забудь привести в порядок свои брюки! Тебе надо как следует подготовиться — помни, это самый главный день в твоей жизни!

— Не стоит так горячиться, дедушка, — сказала миссис Баккет. — Наш бедный Чарли и так слишком возбужден. Сейчас нам прежде всего

нужно решить, кто из нас пойдет с Чарли на фабрику.

— Я! — закричал дедушка Джо, снова вскакивая с кровати. — Я пойду с мальчиком! Я пригляжу за ним! Можете об этом не беспокоиться!

Миссис Баккет с улыбкой посмотрела на старика и повернулась к мужу.

— А ты что думаешь по этому поводу, дорогой? Не кажется ли тебе, что это ты должен пойти с Чарли?

— Ну, — немного помолчав, проговорил мистер Баккет, — я не уверен, что это имеет смысл.

— Но это твоя обязанность!

— В таком деле, дорогая, — мягко сказал мистер Баккет, — не может быть никаких обязанностей. Пойми меня правильно, я был бы счастлив пойти туда — ведь это безумно интересно. Но с другой стороны... Среди нас всех этой чести больше всего заслуживает дедушка Джо. Он лучше знает обо всем этом... И если, конечно, он будет хорошо себя чувствовать...

— Ура! — заорал дедушка Джо и, схватив Чарли за руку, пустился с ним в пляс по комнате.

— Кажется, он достаточно хорошо себя чувствует, — улыбаясь, проговорила миссис Баккет. — Что ж... возможно, ты прав. Пожалуй, будет лучше, если дедушка Джо пойдет с Чарли. К сожалению, я не смогу составить им компанию — ведь нельзя же оставить наших стариков одних на целый день.

— Аллилуйя! — завопил дедушка Джо. — Господи благослови!

В этот момент раздался громкий стук в дверь. Мистер Баккет пошел открывать, и через минуту в комнату хлынул поток репортеров и фотокорреспондентов. Им удалось наконец обнаружить пятого обладателя Золотого Билета, и теперь они горели желанием получить материал для первых полос утренних газет. На следующие несколько часов маленький домик семьи Баккетов превратился в сущий ад, и только уже за полночь мистер Баккет сумел выпроводить всю эту шумную ораву, чтобы Чарли мог лечь спать.

13. ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ НАСТАЕТ

В тот знаменательный день с самого утра ярко сияло солнце, но по-прежнему стоял крепкий мороз и все вокруг было покрыто снегом.

Перед воротами фабрики мистера Уилли Уонка собирались огромные толпы людей, чтобы поглязеть на пятерых счастливых обладателей Золотых Билетов. Время уже подходило к десяти часам, и всеобщее возбуждение нарастало с каждой минутой. Люди пихались, ругались, выкрикивали разные глупости, тогда как усиленные наряды полиции, взявшись за руки, с трудом пытались оттеснить толпу от ворот фабрики.

А около самих ворот в тройном кольце полисменов находились пятеро юных героев дня и те взрослые, которым выпала честь их сопровождать.

Среди них выделялась высокая тощая фигура дедушки Джо, а рядом с ним стоял и сам Чарли Баккет, крепко держа деда за руку.

Остальных четырех детей сопровождали родители в полном составе, и это было весьма кстати, потому что в противном случае все мероприятие могло бы принять совершенно нежелательный оборот — ведь эти ребята так рвались внутрь, что бедным родителям приходилось силой удерживать их, чтобы те не полезли через ограду.

— Успокойся! — кричали папы и мамы. — Стой смирно! Еще не пора — десяти часов еще нет!

Между тем из толпы, яростно сражавшейся за место в первых рядах, до Чарли то и дело долетали разные выкрики:

— Поглядите, вон Виолетта Борегард! — громко орал кто-то. — Это точно она! Она самая! Я помню ее лицо из газет!

— Гляньте-ка, — отзывался другой, — а ведь она до сих пор жует тот самый кусок жвачки, который жевала целых три месяца! Вон как ходят ее челюсти! Туда-сюда, туда-сюда!

— А это что за толстяк?

— Да это же Огастес Глуп!

— Так вот он какой!

— Ну и громадина!

— А это что за парень с Одиноким Рейнджером на спине ветровки?

— Это же Майк Телик! Он телевизионный фанат!

— Он, должно быть, помешался на боевиках! Только гляньте на все эти игрушечные пистолеты, которыми он обвешался с головы до ног!

— Хотел бы я посмотреть на Веруку Солт! — раздался другой голос из

толпы. — Ведь ее папаша купил полмиллиона шоколадных плиток и заставил работниц на своей ореховой фабрике разворачивать обертки, пока те не нашли Золотой Билет. Он ей ни в чем не отказывает! Совершенно ни в чем! Стоит ей поднять визг, как она получает все, что захочет!

— Но это же ужасно!

— Я бы сказал, это просто неслыханно!

— Как по-вашему, кто из них — она?

— Вот эта, слева. В светлой норковой шубке.

— А где Чарли Баккет?

— Чарли Баккет? Это, небось, вон тот маленький заморыш рядом с тощим стариком, похожим на скелет. Смотри, да вот же они! Прямо напротив нас!

— Как же он без теплого пальто в такой жуткий холод?

— А я почем знаю? Должно быть, у его родителей нет денег на пальто.

— Боже мой! Но он же совсем замерзнет!

Чарли, который стоял всего в двух шагах от говорившего, крепко сжал руку дедушки Джо, а тот поглядел на мальчика сверху вниз и улыбнулся.

Где-то вдалеке церковные часы начали отбивать десять.

И тут ржавые петли громко заскрипели и огромные железные ворота фабрики стали медленно открываться.

Толпа застыла в молчании. Дети перестали прыгать как ненормальные. Все смотрели на ворота.

— Вот он! — внезапно закричал кто-то. — Это же он!

И это действительно был ОН.

14. МИСТЕР УИЛЛИ УОНКА

В настежь раскрытых воротах фабрики — совершенно один — стоял сам мистер Уилли Уонка.

Но какого же он был маленького роста!



На нем был фрак из превосходного темно-фиолетового бархата. И темно-зеленые брюки. И жемчужно-серые перчатки.

А на голове красовался черный цилиндр.

В руках мистер Уонка держал изящную тросточку, отделанную золотом. Его подбородок обрамляла аккуратная черная бородка-эспаньолка. А глаза-глаза были невероятно живыми и яркими. Они как будто сияли каким-то волшебным светом и озаряли все лицо радостью и весельем.

И при этом каким же умницей он выглядел! Какими быстрыми и точными были его движения, когда вздергивая голову, он поглядывал по сторонам, и казалось, ничто не могло укрыться от его ярких сверкающих глаз. Порывистостью и быстротой этих движений он походил на белку — старую умную белку из городского парка.

Неожиданно он сделал на снегу что-то вроде забавного подпрыгивающего реверанса, широко раскинул руки и, с улыбкой глядя на пятерых ребятишек, сгрудившихся перед воротами, радостно воскликнул:

— Добро пожаловать, мои маленькие друзья! Милости прошу на мою фабрику!

Его голос был высоким и мелодичным.

— Входите по одному вместе с родителями. Предъявите свой Золотой Билет и скажите, как вас зовут. Ну, кто первый?

Вперед выступил большой толстый мальчик.

— Я — Огастес Глуп, — сказал он.

— Огастес! — воскликнул мистер Уонка, схватив его за руку и с невероятной энергией раскачивая взад-вперед. — Как я рад тебя видеть, мой мальчик! Я восхищен! Очарован! А это твои родители? Как мило, что они тоже пришли! Прошу вас! Вот сюда. Проходите, пожалуйста, в ворота!

Пожалуй, мистер Уонка был возбужден не меньше, чем все остальные.

— Меня зовут Верука Солт, — сказала девочка, вышедшая вперед следом за Огастесом Глупом.

— Моя дорогая Верука! Как ты поживаешь? Так приятно видеть тебя здесь! У тебя очень интересное имя. Я всегда думал, что верука — это такая мозоль, которая вскакивает на пятках, но, должно быть, я ошибался. Как тебе идет эта милая норковая шубка. Господи, что это будет за прекрасный день! Я от души надеюсь, что тебе здесь понравится! Я просто уверен в этом! Не сомневаюсь ни минуты! А это твой папа? Как поживаете, мистер Солт? А это миссис Солт? Чрезвычайно рад познакомиться с вами! Да, ваш билет в полном порядке. Входите, прошу вас!

Затем процедуре проверки билетов и энергического рукопожатия, едва не оставившего их без рук, подверглись Виолетта Борегард и Майк Телик.

И наконец, вперед выступил худенький мальчик и дрожащим от волнения голосом прошептал:

— Чарли Баккет!

— Чарли! — закричал мистер Уонка. — Ну, конечно! Так вот ты какой! Ведь ты нашел билет только вчера, правда? Да-да! Я все прочитал о тебе в сегодняшних газетах. Ты успел как раз вовремя, мой мальчик! Ты не представляешь, как я рад за тебя! А это? Это твой дедушка? Счастлив видеть вас, сэр! Весьма польщен! Безумно рад нашему знакомству! Все идет отлично! Просто замечательно! Теперь все в сборе? Все пятеро? Очень хорошо! Итак, прошу вас следовать за мной. Наша экскурсия начинается! Только старайтесь держаться вместе. Пожалуйста, не отставайте от меня. Крайне не хотелось бы потерять кого-нибудь из вас на этой стадии путешествия. Боже сохрани!

Чарли оглянулся через плечо и увидел, как огромные железные ворота медленно закрываются за ним. Он еще успел заметить, что толпа снаружи по-прежнему бурлила и шумела, а потом клацнул железный засов и весь внешний мир перестал существовать.

— Вот мы и на месте! — кричал мистер Уонка, бодро вышагивая впереди всей компании. — Пожалуйста, в эту красную дверь! Вот так! Здесь внутри так тепло и уютно! Мы должны поддерживать на фабрике высокую температуру, потому что мои рабочие привыкли к чрезвычайно жаркому климату. Они просто не выносят холода! Они бы вымерли все до единого, если бы вышли на улицу в такую погоду. Замерзли бы до смерти!

— Что же это за рабочие такие? — спросил Огастес Глуп.

— Всему свое время, мой мальчик, — с улыбкой ответил мистер Уонка. — Не торопись! Ты все узнаешь в свой черед. Итак, все ли в сборе? Отлично! Не могли бы вы закрыть за собой эту дверь? Благодарю вас!

Чарли увидел, что стоит в начале длинного, неярко освещенного коридора, который уходил вперед, насколько хватало глаз. А ширины он был такой, что вдоль его бледно-розовых стен можно было свободно проехать на автомобиле.

— Как здесь славно и тепло! — прошептал Чарли.

— А какой волшебный запах! — проговорил дедушка Джо, изо всех сил втягивая носом воздух.

Казалось, в этом аромате смешались все самые приятные запахи на свете: запах жареного кофе, запах жженого сахара, запах расплавленного шоколада, запах мяты и фиалки, запах толченого фундука, запах карамели, запах яблок и лимонных корок...

А издалека, откуда-то из самых недр огромной фабрики, доносился приглушенный мощный рев, как будто там, в глубине, с сумасшедшей скоростью вращались колеса какой-то гигантской, чудовищной машины.

— Вот это, дорогие гости, и есть главный коридор, — сказал мистер Уонка, перекрывая своим высоким голосом весь этот шум. — Прошу вас, оставьте свои пальто и шляпы вот на этой вешалке и следуйте за мной. Сюда, пожалуйста! Отлично! Все готовы? Тогда, вперед!

Он мелкими шажками быстро двинулся по коридору. Фалды его бархатного фиолетового фрака развевались перед спешащими за ним гостями.



Вообще-то, если вдуматься, это была довольно внушительная процессия. Девять взрослых, пять детей — всего, стало быть, четырнадцать человек. Так что там не обошлось без некоторой толкотни и даже небольшой давки, когда все они разом устремились вперед, стараясь не отстать от быстрой маленькой фигурки мистера Уонка. А он еще покрикивал:

— За мной! Поторопитесь, пожалуйста! Мы не уложимся в один день, если вы будете так плестись!

Вскоре он свернул направо в проход, который был уже не таким широким.

Потом он повернул налево.

Потом еще налево.

Потом направо.

Потом налево.

Потом направо.

Еще направо.

И еще раз налево.

Все это было похоже на какой-то гигантский лабиринт с огромным количеством проходов, ведущих во все стороны.

— Держись за руку, Чарли! — прошептал дедушка Джо.

— Обратите внимание, что все эти проходы ведут вниз! — выкрикивал между тем мистер Уонка. — Мы спускаемся под землю! Все самые важные помещения моей фабрики расположены под землей!

— Почему? — спросил кто-то.

— На поверхности не смогла бы разместиться даже малая их часть, — ответил мистер Уонка. — Помещения, которые вам предстоит увидеть, просто огромного размера. Они больше, чем футбольные поля! Ни одно здание на свете не могло бы вместить их. А внизу, под землей, у меня столько места, сколько я захочу! Никаких ограничений — выдалбливай сколько хочешь!

Мистер Уонка повернулся направо.

Потом налево. И снова направо.

Теперь проходы все круче и круче устремлялись вниз.

И тут мистер Уонка неожиданно остановился. Перед ним была сверкающая металлическая дверь. Вся компания в нетерпении столпилась вокруг. На двери огромными буквами было написано: «ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ».

15. ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ

— Очень важный цех! — воскликнул мистер Уонка, вынимая из кармана связку ключей и вставляя один из них в замочную скважину. Это, можно сказать, сердце всей фабрики, ее главный нервный узел. И при этом там очень красиво! Это мой пункттик — чтобы во всех моих фабричных помещениях было красиво. Я не переношу убожества и уродства на фабриках! Однако, вперед! Только прошу вас об одном, мои милые дети, сохраняйте спокойствие и старайтесь не потерять головы и не перевозбудиться. Спокойствие прежде всего!

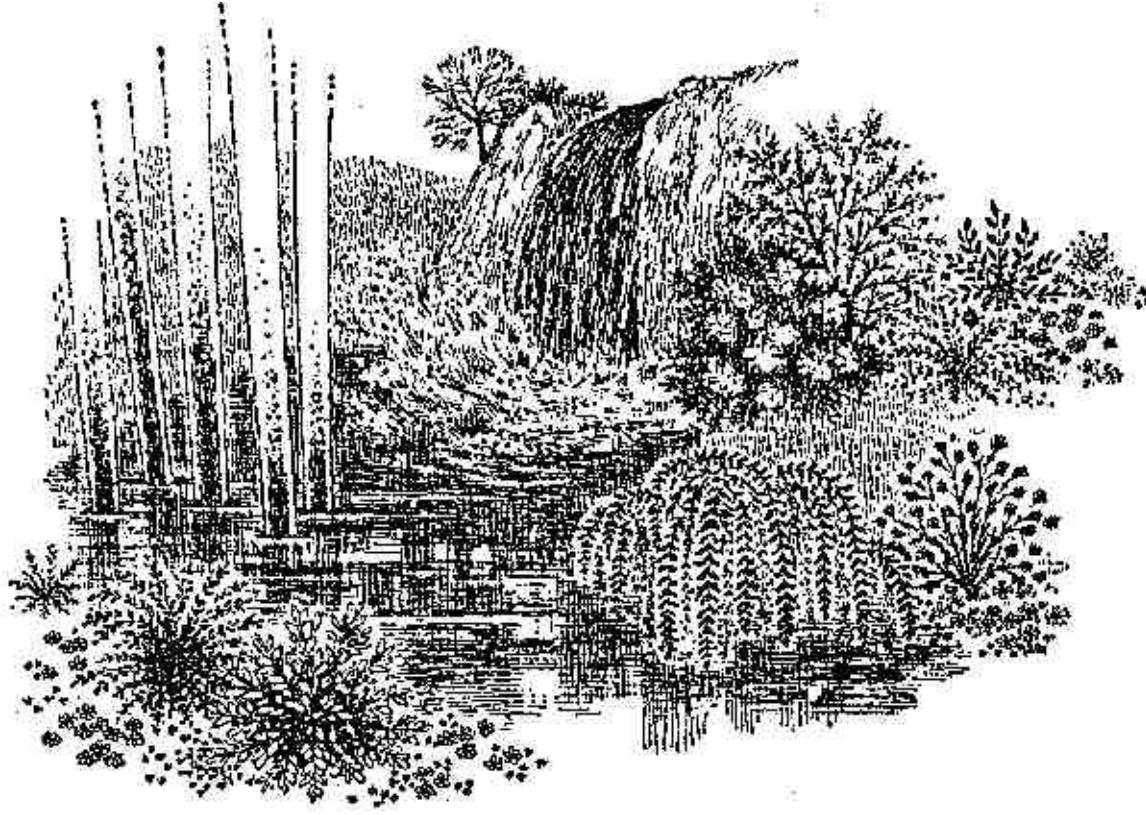
Мистер Уонка открыл дверь.

Девятеро взрослых и пятеро детей устремились внутрь и — о, боже! — какое чарующее зрелище предстало их глазам!

Внизу под ними расстилалась прекрасная долина. По обеим ее сторонам тянулись зеленые луга, а между ними текла большая коричневая река.

Больше того, примерно на середине ее течения ревел гигантский водопад — из воды поднимался крутой утес, над которым, кружась и завиваясь, висела вода и сплошной стеной падала вниз, в кипящие водовороты пен и брызг.

А внизу (и это, пожалуй, представляло собой наиболее поразительное зрелище) из воды, раскачиваясь, торчали огромные стеклянные трубы, устремленные куда-то под потолок! Их было никак не меньше десятка и они откачивали мутные коричневатые воды реки одному Богу известно куда. А поскольку трубы были стеклянными, то через их стенки можно было видеть, как внутри бурлит и движется жидкость. И вдобавок сквозь рев водопада слышалось непрекращающееся чавканье, которое сопровождало работу этих огромных труб.



Вдоль берегов реки росли грациозные деревья и кустарники — плакучая ива, ольха, высокие кусты рододендрона с розовыми и лиловыми цветами. Луга пестрели тысячами лютиков.

— Все это, — выкрикнул мистер Уонка, приплясывая на Месте и указывая золотым набалдашником своей тросточки на большую коричневую реку, — все это шоколад! Каждая капля этой реки — это горячий расплавленный шоколад высшего качества. Самого высшего качества! Его здесь хватит, чтобы заполнить все ванные в нашей стране! И все плавательные бассейны в придачу! Ну что, здорово? А посмотрите на эти трубы! Они откачивают шоколад и доставляют его в те помещения фабрики, где он нужен. Тысячи галлонов в час, мои юные друзья! Тысячи тысяч галлонов!

Дети и родители были слишком поражены, чтобы что-то говорить. Они были ошеломлены и огорошены, смущены и сбиты с толку. Гигантские масштабы увиденного потрясли их до такой степени, что они просто стояли и смотрели, разинув рты.

— Но самое главное — это водопад! — продолжал мистер Уонка. — Он смешивает шоколад, сбивает и сбраживает его, делает его легким и воздушным. Ни на одной фабрике в мире не смешивают шоколад при

помощи водопада! А между тем это единственно правильный способ! Единственно верный! А как вам нравятся мои деревья? — восклицал он, указывая на них своей тросточкой. — А эти кустарники? Разве не прелесть? Я и в самом деле не переношу ничего уродливого! И, кроме того, все это конечно же съедобно. Каждая деталь пейзажа сделана из какого-нибудь особого деликатеса. А эти луга? А эти лютики? Трава, на которой вы стоите, мои маленькие друзья, сделана из нового сорта мягкого мятного сахара, который я только что изобрел. Попробуйте травинку, очень прошу вас, — это что-то восхитительное!

Все машинально наклонились и сорвали по травинке — все, кроме Огастеса Глупа, который ухватил целый пук. А Виолетта Борегард, перед тем как положить в рот травинку, вытащила оттуда свою жвачку-рекордистку и бережно прилепила ее себе за ухо.

— Изумительно! — прошептал Чарли. — Какой чудесный вкус, правда, дедушка?

— Я, пожалуй, мог бы съесть все это поле, — проговорил дедушка Джо, блаженно улыбаясь. — Так и встал бы здесь на четвереньки и пасся целый день, как корова или овца.

— Попробуйте лютики! — кричал мистер Уонка. — Они еще вкуснее!

Тут неожиданно идиллия был нарушена испуганными криками, которые, как выяснилось, издавала Верука Солт. Она в панике указывала на другую сторону реки и громко визжала:

— Смотрите! Смотрите! Что это? Оно шевелится! Это какой-то маленький человечек! Вон там, около водопада!

Все присутствующие сразу перестали рвать лютики и уставились на ту сторону реки.

— Дедушка, и правда! — закричал Чарли. — Это какой-то человечек! Видишь?

— Вижу, Чарли! — взволнованно проговорил дедушка Джо.

Теперь уже все кричали наперебой:

— Их двое!

— Боже, и вправду двое!

— Их не двое! Их там — раз, два, три, четыре, пять!..

— Что они там делают?

— Откуда они взялись?

— Кто это такие?

Дети и взрослые, как один, бросились к обрыву реки посмотреть поближе.

— Какая-то фантастика!

— Они мне не выше колена!

— Посмотрите, какие у них странные длинные волосы!

Крошечные человечки — каждый из них был не больше среднего размера куклы — оторвались от работы и, в свою очередь, уставились через реку на непрошеных визитеров. Один из человечков указал пальцем на детей, прошептал что-то остальным четырем и все пятеро разразились громким смехом.



— Но ведь это же не настоящие люди! — проговорил Чарли.

— Самые что ни есть настоящие! — ответил мистер Уонка. — Это же симпатимпасы!

16. СИМПАТИМПАСЫ

— Симпатимпасы? — воскликнули все в один голос.

— Я вывез их прямо из Симпатимпотамии! — гордо заявил мистер Уонка.

— Такой страны нет, — сказала миссис Солт.

— Извините меня, дорогая леди, но...

— Мистер Уонка! — воскликнула миссис Солт. — Я — учительница географии!..

— Тогда тем более вы должны хорошо знать эту страну, — сказал мистер Уонка. — Боже, какое это ужасное место! Сплошные непроходимые джунгли, кишащие самыми жестокими тварями на свете — протобестиями, блатыкарями и свирепыми тулумбасами. Один такой тулумбас съедает на завтрак десяток симпатимпасов и еще просит добавки. Когда я туда приехал, симпатимпасы жили в хижинах на вершинах деревьев. Они были просто вынуждены строить там свои хижины, чтобы спасаться от всех этих тулумбасов, протобестий и блатыкарей. Симпатимпасы питались в основном зелеными гусеницами, а зеленые гусеницы, как известно, совершенно отвратительны на вкус, и несчастные симпатимпасы целыми днями лазили по деревьям, чтобы хоть как-то разнообразить свой скучный рацион и найти что-нибудь менее отвратительное, чем зеленые гусеницы — к примеру, красных жуков, листья эвкалипта или кору дерева бонг-бонг. Это, конечно, тоже крайне омерзительная пища, но все-таки получше, чем зелёные гусеницы. Бедные маленькие симпатимпасы! А ведь была одна вещь, которую они любили больше всего на свете! Они сходили с ума по зернам какао, но не могли их раздобыть. При очень большой удаче один симпатимпас мог найти три-четыре зерна за весь год. Но как же они мечтали о них! Все дни напролет симпатимпасы только и говорили о зернах какао, а все ночи напролет — видели их во сне. Достаточно было только произнести при симпатимпасе слово «какао», как у него начинали течь слюнки. А зерна какао, — продолжал мистер Уонка, — это как раз то, из чего делается шоколад. Без них шоколада сделать нельзя. Собственно, они и есть шоколад. На моей фабрике каждый день перерабатываются миллиарды зерен какао. И вот, мои маленькие друзья, когда я узнал, что симпатимпасы буквально помешаны на этой еде, я не поленился влезть к ним на деревья и толкнулся в хижину вождя племени. Изголодавшийся и тощий как скелет, бедняга сидел перед миской пюре из зеленых гусениц и,

с трудом преодолевая тошноту, пытался съесть это отвратительное варево. «Послушай, — сказал я ему (разумеется, не по-английски, а по симпатимпасийски), — если ты и твои люди согласитесь поехать в мою страну, чтобы жить и работать на моей фабрике, вы получите этих зерен какао сколько душе угодно! У меня на складах их целые горы! Вы будете есть зерна какао четыре раза день — вы наедитесь ими до отвала! Если хотите, я могу даже платить вам жалованье этими зернами!» — «Это правда?» — воскликнул вождь симпатимпасов, вскакивая со стула. «Ну, конечно, правда! — сказал я. — И кроме того, вы можете получать еще и шоколад, а он гораздо вкусней зерен какао, потому что в него добавляются молоко и сахар». Вождь на радостях высыпал в окно свою миску с пюре из зеленых гусениц и завопил как сумасшедший: «Я согласен! Едем хоть сейчас!» И вот я на пароходе привез сюда все племя симпатимпасов — мужчин, женщин и детей, — всех до единого человека. Это оказалось не так трудно. Я упаковал их в большие ящики с дырками, и дорога прошла вполне благополучно. Это прекрасные работники. Они быстро научились говорить по-английски, и кроме того, очень любят музыку и танцы и все время сочиняют песни. Я думаю, сегодня вы еще не раз их услышите. Но должен предупредить вас, что они большие озорники и обожают всякие шутки и розыгрыши. Между прочим, они по-прежнему носят такую же одежду, какую носили в своих джунглях. Они ни за что не хотели ее менять. Мужчины, как вы можете видеть, носят оленьи шкуры, женщины — большие листья, а дети просто ходят голышом. Женщины предпочитают менять свои листья каждый день...

— Папа! — закричала Верука Солт (та самая девочка, которая никогда и ни в чем не знала отказа). — Папа! Я хочу симпатимпаса! Купи мне симпатимпаса! Сейчас же! Я хочу взять его домой! Ты слышишь, папа! Сию минуту ты купишь мне симпатимпаса!

— Ну, разумеется, моя радость, — проговорил отец. — Только не надо перебивать мистера Уонка.

— Но я хочу симпатимпаса! — визжала Верука.

— Хорошо, хорошо. Но я же не могу купить его сию секунду. Прошу тебя, успокойся. К концу дня ты его получишь.

— Огастес! — раздался крик миссис Глуп. — Огастес, сокровище мое! Я думаю, тебе все-таки не следует этого делать!

Как вы могли бы догадаться, Огастес под шумок улизнул к берегу реки и, опустившись на колени, пригоршнями черпал горячий шоколад и уписывал за обе щеки.



17. ОГАСТЕС ГЛУП ПОДНИМАЕТСЯ ПО ТРУБЕ

Обернувшись и увидев, чем он занят, мистер Уонка в ужасе воскликнул:

— Только не это! Огастес, умоляю тебя! Пожалуйста, остановись! Моего шоколада не должны касаться человеческие руки!

— Огастес! Ты слышишь, что тебе говорят! — заорала миссис Глуп. — А ну, сейчас же отойди от реки!

— Какая чудесная штука! — проговорил Огастес, не обращая на свою мать и на мистера Уонка ни малейшего внимания. — Эх, мне бы сюда черпачок побольше!

— Огастес! — кричал мистер Уонка, подпрыгивая на месте и выделявая в воздухе пируэты своей тросточкой. — Ты должен немедленно отойти оттуда! Ты загрязняешь мою шоколадную реку!

— Огастес! — кричала миссис Глуп.

— Огастес! — кричал мистер Глуп.

Но Огастес был глух ко всему, кроме своего ненасытного желудка. Теперь он уже лежал на животе, высунув голову далеко вперед, и лакал шоколад, как собака из лужи.

— Огастес! — вопила миссис Глуп. — Ты же заразишь своим проклятым насморком всю страну!

— Осторожней, Огастес! — кричал мистер Глуп. — Ты высунул голову слишком далеко!

Опасения мистера Глуна были, увы, не напрасными. Не прошло и нескольких секунд, как раздался вскрик, потом всплеск, и все увидели, как Огастес Глуп плюхнулся в шоколадную реку и тут же скрылся под ее коричневой поверхностью.

— Спасите его! — завопила миссис Глуп, побелев как полотно и во все стороны размахивая зонтиком. — Он утонет! Он же совершенно не умеет плавать! Спасите! Помогите!

— Ради всего святого, женщина! — произнес мистер Глуп. — Неужели ты хочешь, чтобы я прыгнул туда в моем лучшем костюме?

Перепачканное шоколадом лицо Огастеса Глуна на мгновение появилось над поверхностью реки.

— На помощь! На помощь! — верещал он. — Выудите меня отсюда!

— Что ты стоишь как пень! — напустилась миссис Глуп на супруга. — Сделай что-нибудь!

— Я уже делаю! — ответил мистер Глуп, который в этот момент неторопливо снимал пиджак, готовясь прыгать в шоколадную реку.

А тем временем несчастного Огастеса Глуна все ближе подтаскивало к одной из огромных труб, торчащих из реки. Еще секунда, и мощное течение затянуло его под воду и подтащило вплотную к отверстию трубы.

Вся компания на берегу, затаив дыхание, ждала, когда мальчик снова покажется наружу.

— Вон он! — закричал кто-то, указывая наверх.

Труба была стеклянной, и все увидели, как Огастес внутри нее выстрелил вверх головой, словно торпеда.

— На помощь! Убивают! Полиция! — визжала миссис Глуп. — Огастес, сию минуту вернись! Куда ты полез?

— Удивляюсь, как это он прошел в эту трубу, — хладнокровно проговорил мистер Глуп.

— А он еще не прошел, — сказал Чарли Баккет. — Ой, посмотрите, он опускается вниз!

— Точно! — согласился дедушка Джо.

— Похоже, он там застрянет, — сказал Чарли.

— Он уже застрял! — уточнил дедушка Джо.

— А все его ненасытное брюхо! — сказал мистер Глуп.

— Он закупорил всю трубу! — воскликнул дедушка Джо.

— Огастес, немедленно вылезай оттуда! — не умолкала миссис Глуп, по-прежнему размахивая зонтиком. — Ты можешь сломать трубу!

Зрители внизу видели, как потоки жидкого шоколада обтекали мальчишку со всех сторон, но большая часть жидкости скапливалась под ним в тяжелую плотную массу, упиравшуюся в эту искусственную преграду. Давление в трубе нарастало. Кто-то должен был уступить. И уступить пришлось Огастесу. Хлоп! — и он, словно пуля в стволе ружья, снова выстрелил вверх и пропал из виду.

— Он исчез! — завопила миссис Глуп. — Куда ведет эта труба? Скорей! Вызовите пожарных!

— Спокойствие! — воскликнул мистер Уонка, — Сохраняйте спокойствие, дражайшая леди! Что бы ни случилось, никакой опасности нет и в помине. Огастес совершил небольшое путешествие — вот и все! Очень интересное маленькое путешествие. Но можете не сомневаться, он вернется целым и невредимым.

— Как он может вернуться целым и невредимым, если через пять

секунд превратится в какой-нибудь зефир или пастилу? — огрызнулась миссис Глуп.

— Это совершенно исключено! — заявил мистер Уонка. — Абсурдно! Немыслимо! Попросту нереально! Он ни в коем случае не может превратиться в зефир или пастилу!

— Почему, позвольте спросить?

— Потому что эта труба не ведет в Зефирный Цех. — Ответил мистер Уонка. — Она и близко к нему не подходит. Труба, в которую угодил наш Огастес, ведет прямиком в цех, где я делаю самые вкусные в мире земляничные ириски в шоколаде...

— Значит, он превратится в земляничную ириску в шоколаде! — зарыдала безутешная миссис Глуп. — Мой бедный маленький Огастес! Завтра утром его уже будут продавать вразвес по всей стране!

— Как пить дать! — подтвердил мистер Глуп.

— Я знаю, что так оно и будет! — вопила миссис Глуп.

— Шутки в сторону! — произнес мистер Глуп.

— Мистеру Уонка так не кажется, — сквозь слезы проговорила миссис Глуп. — Он знает себе посмеивается! Как вы смеете смеяться, когда моего несчастного мальчика утянуло в вашу проклятую трубу? Вы чудовище! — визжала она, наставив свой зонтик на мистера Уонка, как будто собиралась проткнуть его насеквость. — Вам весело? Вам кажется, что все это только милая шутка?

— Ваш ребенок будет в полном порядке, — посмеиваясь проговорил мистер Уонка.

— Из него наделяют земляничных ирисок в шоколаде! — вопила миссис Глуп.

— Ни за что! — воскликнул мистер Уонка.

— Наделяют, наделяют!

— Я не допущу этого! — закричал мистер Уонка.

— Но почему? — взвизгнула миссис Глуп.

— Потому что вкус будет отвратительным! — заявил мистер Уонка. — Только представьте себе: земляничные ириски в шоколаде с начинкой из Огастеса Глупа! Никто и даром не захочет их брать!

— Почему это не захочет? — обиженно воскликнул мистер Глуп.

— Я не хочу даже думать об этом! — вопила миссис Глуп.

— Я тоже, — спокойно сказал мистер Уонка. — Уверяю вас, мадам, что ваш бесценный мальчик абсолютно цел и невредим.

— Если он цел и невредим, то где же он? — огрызнулась миссис Глуп.

— Сейчас же отведите меня к нему!

Мистер Уонка повернулся и три раза звонко щелкнул пальцами — щелк! щелк! щелк! И тут же, откуда ни возьмись, рядом с ним появился маленький симпатимпас.

Он поклонился и обнажил в улыбке превосходные белые зубы. У него была красивая розовая кожа, длинные золотистые волосы. Макушка его головы находилась где-то на уровне колена мистера Уонка. Симпатимпас был одет в оленью шкуру, перекинутую через плечо.

— Слушай меня, — сказал мистер Уонка, глядя на маленького человечка сверху вниз. — Отведи мистера и миссис Глуп в Цех Ирисок и помоги найти их сына Огастеса. Его только что засосало туда по трубе.

Симпатимпас взглянул на миссис Глуп и разразился громким смехом.

— Прекрати! — сказал мистер Уонка. — Держи себя в руках и соблюдай приличия! Миссис Глуп вовсе не находит это забавным.

— Втолкуйте это ему хорошенъко! — сказала миссис Глуп.

— Отправляйся прямо в Цех Ирисок, — продолжал мистер Уонка, — и когда придешь туда, возьми длинную палку и прощупай дно в шоколадо-смесительном бассейне. Почти наверняка ты найдешь этого мальчика там. Но смотри внимательней! И поторопись! Ведь если он пробудет в бассейне слишком долго, его может засосать в котел для ирисок и вот это действительно будет катастрофа! Понимаешь? Мои ириски станут абсолютно несъедобными!

Миссис Глуп издала яростный вопль.

— Это шутка, — усмехаясь, сказал мистер Уонка. — Я не хотел обидеть вас. Извините меня. Мне очень жаль, что так получилось. До свиданья, миссис Глуп! До свиданья, мистер Глуп! Увидимся позже...

Едва мистер и миссис Глуп со своим маленьким сопровождающим в спешке удалились, пятеро симпатимпасов на другом берегу реки вдруг начали скакать, танцевать и бешено колотить в маленькие барабанчики.

— Огастес Глуп! Огастес Глуп! — распевали они.

— Послушай, дедушка! — закричал Чарли. — Что это они там делают?

— Тсс! — прошептал дедушка Джо. — Кажется, они собираются спеть нам песню!

— Огастес Глуп! — распевали симпатимпасы. -

Огастес Глуп! Огастес Глуп!
Прожорлив, жаден, груб и глуп!
Доколе ж мы должны смотреть,
Как будет этот хряк жиреть

Да набивать свою утробу?
Мы не потерпим больше, чтобы
В обжорстве он влакил года,
Чтоб никому и никогда
Не перепало от тупицы
Добра и счастья хоть крупицы!

Обычно в случаях таких
Мы избегаем мер крутых
И просто превращаем жлоба
Во что-нибудь, что нам могло бы
Доставить радость — скажем, в мяч
Или в игрушечный тягач,
В воздушный шарик, в книжку, в мишку...
Но этот пакостный мальчишка —
Надутый наглостью толстяк —
Ничтожен помыслами так,
Неразвит так и неопрятен
И нам настолько неприятен,
Что мы, не зная, как нам быть,
Решили с парнем поступить
Иначе. Мы ему сказали:
«Наш толстый друг, а не пора ли
Попутешествовать тебе
По нашей маленькой трубе?
Увидишь, что с тобою станет
В цеху, куда она затянет!»

Но пусть наш Глуп попал в трубу,
Не бойтесь за его судьбу.
Хотя его (тут нет двух мнений!)
Ждет ряд волшебных изменений.
Он их не сможет избежать,
Когда кружиться и визжать
Начнет ирисковый конвейер,
Когда свистящих лезвий веер
В капусту Глуpa измельчит,

Когда, вскипая, зашкворчит
Вода в огромной колбе медной
И улетучатся бесследно
Обжорство, жадность, лень и спесь,
А мы в котел добавим смесь
Ароматических добавок —
Свершится чудо: тот, кто навык
Имел единственно к жратве,
Кого в Нью-Йорке и в Москве
Честили люди проходимцем —
Теперь всеобщим стал любимцем!
Ведь без различия в прописке
Все любят сладкие ириски!

— Я же говорил, что они очень любят петь! — закричал мистер Уонка. — Разве они не прелестны? По-моему, просто восхитительны! Только, прошу вас, не верьте ни слову из того, что они тут напели. Все это сущая чепуха от начала до конца!

— Дедушка, они и вправду только шутят? — спросил Чарли.

— Конечно, шутят, — ответил дедушка Джо. — Наверняка шутят. По крайней мере, я надеюсь на это. А ты?

18. ВНИЗ ПО ШОКОЛАДНОЙ РЕКЕ

— Нам пора! — закричал мистер Уонка, — Прошу всех поторопиться! Нас ждет следующий цех. И умоляю, не беспокойтесь об Огастесе Глуце — с ним будет все в порядке. Следующую часть путешествия нам предстоит проделать по воде. А вот, кстати, и наше судно! Смотрите!

От большой и теплой шоколадной реки теперь поднималась густая дымка, и из нее неожиданно появилось совершенно фантастического вида розовое судно. Это была большая открытая гребная шлюпка с высокой кормой и высоким носом (как в старину на судах древних викингов), и вся она так сверкала и переливалась различными оттенками розового цвета, что казалось, была сделана из ярко-розового стекла. С обоих бортов в реку опускалось по десятку весел, и когда шлюпка подошла поближе, с берега стало видно, что за каждым веслом сидит не меньше дюжины симпатимпасов.

— Это моя персональная яхта! — воскликнул мистер Уонка, сияя от удовольствия. — Я выдолбил ее из огромного куска жженого сахара! Разве не хороша? Смотрите, как замечательно она идет поперек течения!

Переливающаяся розовым шлюпка из жженого сахара скользнула к берегу. Сотня симпатимпасов бросила весла и уставилась на гостей. И вдруг, по причине, известной разве что им самим, все они, как один, расхохотались.

— Что здесь смешного? — спросила Виолетта Борегард.

— Не обращайте на них внимания! — прокричал мистер Уонка. — Они всегда смеются. Вся наша жизнь — для них одна большая шутка. Друзья, прыгайте в лодку! Скорей! Нам надо спешить!

Когда вся компания благополучно разместилась в лодке, симпатимпасы снова налегли на весла и шлюпка помчалась вниз по течению.

— Эй, Майк Телик! — закричал мистер Уонка. — Уверяю тебя, не стоит лизать лодку — она от этого становится только крепче!

— Папа! — решительно заявила Верука Солт. — Я хочу такую лодку! Ты должен немедленно купить мне точно такую же большую розовую лодку из жженого сахара, как у мистера Уонка, много симпатимпасов, чтобы они сидели на веслах, шоколадную реку и еще... и еще...

— Еще ее надо отшлепать как следует! — прошептал дедушка Джо на ухо Чарли.

Старик с внуком сидели рядышком на корме, и Чарли крепко держался за костлявую руку дедушки Джо. Новые впечатления буквально захлестывали мальчика. Все, что он успел увидеть до сих пор — огромная шоколадная река, водопад, гигантские трубы, луга из мятного шоколада, симпатимпасы, прекрасная розовая лодка и больше всего сам мистер Уилли Уонка, — поразило его до такой степени, что он начал сомневаться, будет ли впереди еще что-нибудь интересное. Куда они направляются теперь? Что им предстоит увидеть? Что может произойти с ними в следующем цехе?

— Разве не чудесно? — сказал дедушка Джо, улыбаясь Чарли. Чарли кивнул и тоже улыбнулся.

Неожиданно мистер Уонка, сидевший напротив Чарли, схватил со дна лодки огромную кружку и, наполнив ее за бортом, протянул Чарли.

— Выпей! — сказал он. — Это тебе не повредит. Ведь ты же голодный как собака.

Потом он зачерпнул еще одну кружку и протянул дедушке Джо.

— Да и вы тоже, — сказал он, — больше похожи на скелет. В чем дело? У вас дома мало еды?

— Негусто, — проговорил дедушка Джо.

Чарли поднес кружку ко рту, и густой, теплый и жирный шоколад полился в его пустой желудок. Все изголодавшееся тельце мальчика затрепетало от наслаждения. Пожалуй, никогда в жизни он еще не испытывал такого полного и всеобъемлющего счастья.

— Нравится? — спросил мистер Уонка.

— О, это чудесно! — проговорил Чарли.

— Такого превосходного и жирного шоколада я не пробовал никогда! — заявил дедушка Джо, облизывая губы с видом знатока.

— Это потому, что он хорошо перемешался в водопаде, — сказал мистер Уонка.

Шлюпка мчалась вниз по реке, которая между тем становилась все уже. Впереди путешественники увидели что-то вроде широкого темного туннеля — гигантскую круглую арку, похожую на большую трубу. Река устремлялась прямо в эту трубу — туда же, естественно, направлялась и шлюпка.

— А ну, навались! — закричал мистер Уонка, вскочив на ноги и взмахнув своей тросточкой. — Полный вперед!

Симпатимпасы еще дружней налегли на весла, и шлюпка пулей влетела под могильно-темные своды туннеля. Пассажиры вскрикнули, неожиданно оказавшись в кромешной тьме.

— Откуда они знают, в каком направленье грести? — завизжала

Виолетта Борегард.

— Эти парни, без сомненья, и не знают направленья! — закричал мистер Уонка, разразившись громовым хохотом. —

Мы несемся по теченью
(И совсем без освещенья)
В неизвестном направленье,
И команда, к сожаленью,
Не имеет представленья
О маршруте продвиженья.
И в подобном положенье
Мысль о кораблекрушенье...

— Да у него просто крыша поехала! — в ужасе закричал один из отцов, и остальные родители наперебой заголосили:

— Он сошел с ума!
— Спятил!
— Тронулся!
— Сбрендил!
— Свихнулся!
— Сдурел!
— Помешался!
— Чокнулся!
— Ополоумел!
— Рехнулся!
— Повредился рассудком!
— Сдвинулся!
— Ничего подобного! — заявил дедушка Джо.
— Включить огни! — закричал мистер Уонка.

Внезапно и неизвестно откуда возник свет. Весь туннель теперь был ярко освещен, и Чарли увидел, что они действительно находятся внутри гигантской трубы, причем ее закруглявшиеся кверху стены оказались снежно-белыми, без единого пятнышка. В трубе течение шоколадной реки убыстрилось. Симпатимпасы гребли как бешеные, и шлюпка неслась по туннелю с чудовищной скоростью. А мистеру Уонка все было мало. Он в нетерпенье подпрыгивал на корме и кричал гребцам, чтобы они гребли еще быстрей. Казалось, само ощущение того, что он летит как стрела в розовой шлюпке вдоль белого туннеля по шоколадной реке, доставляло ему

неизъяснимое наслаждение. Он смеялся, хлопал в ладоши и время от времени поглядывал на своих пассажиров, которые, как он полагал, должны были испытывать сходные ощущения.

— Смотри, дедушка! — закричал Чарли. — Там в стене — дверь!

И действительно, шлюпка промчалась мимо зеленой двери, расположенной чуть выше уровня реки. Путешественники едва успели прочесть надпись на ней: СКЛАД НОМЕР 54. ВСЕ СОРТА КРЕМОВ. МОЛОЧНЫЙ КРЕМ, СЛИВОЧНЫЙ КРЕМ, ФИАЛКОВЫЙ КРЕМ, КОФЕЙНЫЙ КРЕМ, АНАНАСНЫЙ КРЕМ, ВАНИЛЬНЫЙ КРЕМ И КРЕМ ИЗ КРЕМЛЯ.

— Что? — воскликнул Майк Телик. — Неужели вы получаете крем из самого Кремля?

— Вперед! — кричал мистер Уонка. — Сейчас не время отвечать на глупые вопросы!

Шлюпка пронеслась мимо черной двери, на которой было написано: СКЛАД НОМЕР 71. КНУТЫ ВСЕХ ФОРМ И РАЗМЕРОВ.

— Кнуты? — удивилась Верука Солт. — Хотела бы я знать, для чего вам понадобились кнуты?

— Ясное дело, чтобы взбивать сливки, — ответил мистер Уонка. — Как можно взбить сливки без кнута? Если сливки не бить, то они не будут взбитыми. А чем можно бить лучше, чем кнутом? Так же, как когда жаришь яичницу-глазунью, надо не спускать с нее глаз, не то получится не яичница, а черт знает что. Вперед!

Следующей показалась желтая дверь с надписью: СКЛАД НОМЕР 77. ВСЕ СОРТА БОБОВ. КОФЕ-БОБЫ, КАКАО-БОБЫ И БОБЫ, КОТОРЫЕ РОСЛИ БЫ ВО РТУ, ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ.

— Росли бы во рту, если бы да кабы? — воскликнула Виолетта Борегард.

— А у тебя самой что во рту? — спросил мистер Уонка. — Впрочем, не время препираться. Дружней, ребята!

Но уже через несколько секунд, когда шлюпка поравнялась с ярко-красной дверью, он неожиданно взмахнул своей тросточкой с золотым набалдашником и закричал:

— Стоп-машина!

19. ЦЕХ ИЗОБРЕТЕНИЙ. ЛЕДЕНЦЫ ВЕЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ И ИРИСКИ ДЛЯ РАЩЕНИЯ ВОЛОС

Услышав этот крик, симпатимпасы изо всех сил уперлись веслами в воду, и шлюпка остановилась. Гребцы аккуратно подвели ее бортом к красной двери, на которой было написано: ЦЕХ ИЗОБРЕТЕНИЙ. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Мистер Уонка достал из кармана ключ и, перегнувшись через борт, вставил его в замочную скважину.

— Это самое главное помещение на всей фабрике! — сказал он. — Здесь, можно сказать, расположена кухня, где варятся и пекутся все мои новые секретные изобретения. Старики Фикельгрубер, Продноуз, Слагуорт и прочие шоколадные горе-мастера с радостью дали бы руку на отсечение, чтобы хоть на пять минут заглянуть сюда. А теперь слушайте внимательно! В этом цехе не должно быть никакого баловства! Без спросу ничего нельзя брать в руки, трогать или пробовать. Договорились?

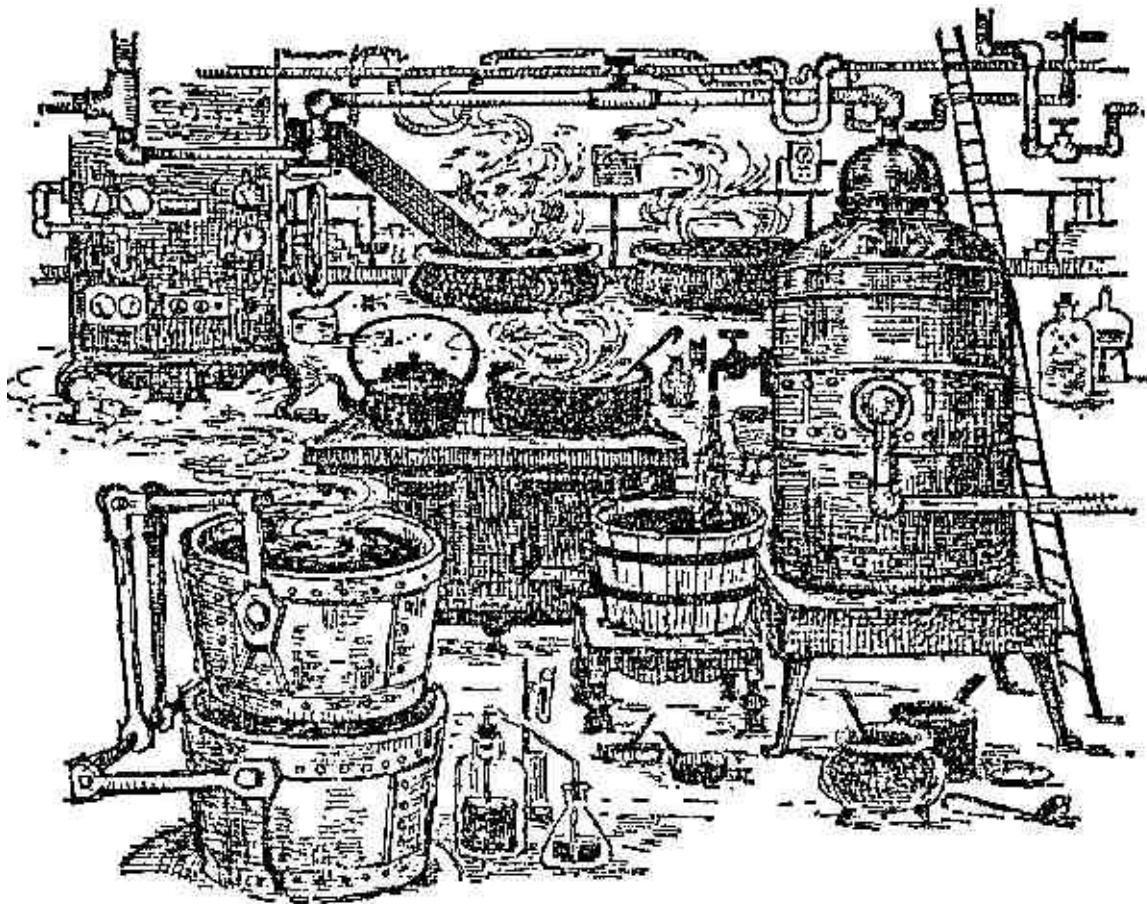
— Договорились! — закричали дети. — Мы и пальцем ничего не тронем!

— До этого дня еще ни один человек и даже ни один симпатимпас не входил сюда, — сказал мистер Уонка.

Он открыл дверь и шагнул из лодки в помещение цеха. За ним гурьбой ринулись все четверо ребят и их родители.

— Ничего не трогать! — закричал мистер Уонка. — Не перебейте тут все!

Чарли Баккет с изумлением смотрел по сторонам. Огромная комната, в которой он оказался, сильно смахивала на кухню бабы-яги. Вокруг на гигантских печах что-то кипело и булькало в черных котлах, свистели чайники, шипели сковороды, клацали и таращели какие-то странные железные аппараты. Потолок и стены покрывала сеть всевозможных труб. Все помещение заволакивал то ли дым, то ли пар, и воздух был обильно насыщен самыми что ни на есть изысканными ароматами.



А сам мистер Уонка пришел в еще большее возбуждение, чем до сих пор. Было видно невооруженным глазом, что это помещение — его самое любимое и лелеемое детище. Он прыгал среди всех своих кастрюль и препаратов, как ребенок среди груды рождественских подарков, не зная с чего начать. Он приподнял крышку огромного котла и сунул туда нос, потом торопливо окунул палец в бочку с какой-то клейкой желтой массой и облизнул его, потом подскочил к одному из аппаратов и повернулся туда-сюда с полдюжины ручек, потом заботливо заглянул сквозь стеклянную дверцу в чудовищную печь и аж крякнул от удовольствия — настолько ему понравилось увиденное там, потом перебежал к другой машине, маленькой блестящей штуковине, которая все время попыхивала — чух-чух-чух-чух, и при каждом «чух» в большую корзину на полу вываливался крупный зеленый мраморный шарик. Во всяком случае, он казался мраморным.

— Леденцы вечного пользования! — гордо провозгласил мистер Уонка. — Моя последняя новинка. Я изобрел их специально для детей, которым родители дают очень мало карманных денег. Мои леденцы вечного пользования можно сосать, сосать, сосать, сосать, и они никогда не

станут ни на миллиметр меньше!

— Как жевательная резинка! — воскликнула Виолетта Борегард.

— Не совсем, — сказал мистер Уонка. — Жевательную резинку надо жевать, а если вы попробуете жевать эти леденцы, то переломаете себе все зубы! Но самое главное, что мои леденцы никогда не становятся меньше. Они не тают и не растают никогда. НИКОГДА! По крайней мере, я так думаю. Один из них сейчас проходит испытания на испытательном полигоне в соседнем помещении. Молодой и здоровый симпатимпас сосет его уже почти целый год, а леденец все как новый!

— А теперь прошу сюда! — продолжал мистер Уонка, в возбуждении перескакивая к противоположной стене. — Здесь я конструирую совершенно новую разновидность ирисок.

Он остановился около громадной кастрюли, в которой кипела и бурлила густая липкая патока какого-то фиолетового оттенка. Кастрюля была такой большой, что Чарли смог заглянуть в нее, лишь встав на цыпочки.

— Это ириски для ращения волос! — воскликнул мистер Уонка. — Стоит съесть хотя бы один маленький кусочек, как ровно через полчаса у вас на макушке начнет расти новенькая густая и красивая шевелюра! А также усы и даже борода!

— Борода? — закричала Верука Солт. — Но ради бога, зачем мне борода?

— Она бы очень тебе пошла, — сказал мистер Уонка. — Но, к сожалению, я пока не смог установить точную дозировку. Действие получается слишком сильным — волосы растут чересчур быстро. Вчера в испытательном цехе я проверял состав на одном симпатимпасе, и буквально сразу у него из подбородка полезла густая черная борода, которая уже через пару минут толстым ковром стелилась по полу. Волосы росли так быстро, что мы не успевали их стричь! В конце концов пришлось воспользоваться машинкой для стрижки газонов. Но ничего, скоро я найду точную дозировку, и тогда мальчикам и девочкам, что ходят лысыми, уже не будет никакого оправдания!

— Но мистер Уонка, — проговорил Майк Телик, — вообще-то мальчики и девочки никогда не ходят лы...

— Не надо спорить, мой мальчик, умоляю тебя! — воскликнул мистер Уонка. — Это напрасная трата драгоценного времени. Теперь прошу сюда. Подойдите поближе, и я покажу вам одну вещь, которой ужасно горжусь. Только осторожней! Постарайтесь ничего не перевернуть. Отойдите назад!

20. ГИГАНТСКАЯ МАШИНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКИ

Мистер Уонка подвел всю компанию к гигантской машине, стоявшей в самом центре Цеха Изобретений. Эта гора сверкающего металла возвышалась высоко над головами детей и их родителей, а наверху из нее выходили сотни переплетенных друг с другом тонких стеклянных трубочек, которые, загибаясь книзу, гроздью свешивались над огромным круглым сосудом, размером с большую ванну.

— Вот она! — прокричал мистер Уонка и нажал три кнопки на боку машины.

Сейчас же внутри что-то загрохотало, всю ее заволокло паром, а сама она угрожающе затряслась. И тут остолбеневшие зрители увидели, как по всем стеклянным трубкам побежала жидкость и тонкими струйками полилась в сосуд. Причем из каждой трубы лилась жидкость особого цвета, так что в сосуде играли и пенились все цвета радуги (и многие другие). Это было чрезвычайно красивое зрелище.



Когда сосуд почти наполнился, мистер Уонка нажал еще одну кнопку и грохот моментально прекратился, перейдя в шипение и свист. Внутри сосуда завертелся гигантский волчок, смешивая разноцветные жидкости. Постепенно смесь начала густеть, постоянно меняя свой цвет — от голубого к белому, от белого к зеленому, от зеленого к коричневому, от коричневого к желтому и от желтого снова к голубому.

— Смотрите! — воскликнул мистер Уонка.

В машине что-то щелкнуло, и волчок остановился. Потом раздались громкие чавкающие звуки, и всю густую голубую смесь в два счета засосало обратно в брюхо машины. Несколько мгновений было тихо. Затем послышались какие-то странные погромыхивания и снова наступила тишина. И вдруг машина издала чудовищный протяжный рев, и в тот же миг сбоку у нее появился крошечный выдвижной ящичек (не больше, чем ящички торговых автоматов), в котором лежало что-то такое маленькое, тонкое и тусклое, что все подумали, будто произошла какая-то ошибка. Эта

штука была похожа на полоску серого картона.

Дети и их родители удивленно уставились в ящичек.

— И это все? — с отвращением спросил Майк Телик.

— Да, это все! — ответил мистер Уонка, с гордостью глядя на результат своих трудов. — Знаете, что это такое?

Все молчали. И тут Виолетта Борегард, эта бестолковая девчонка, непрерывно жующая жевательную резинку, радостно завопила:

— Господи, да это же жвачка! Настоящая жвачка!

— Верно! — закричал мистер Уонка, изо всех сил хлопнув девочку по спине, — Настоящая жвачка! Самая вкусная, самая чудесная и самая великолепная жвачка в мире!

21. ПРОЩАЙ, ВИОЛЕТТА!

— Эта жевательная резинка, — продолжал мистер Уонка, — мое самое новое, самое великое и самое поразительное изобретение. Так называемая питательная жевательная резинка. В этой маленькой невзрачной полоске жвачки заключается, как бы получше сказать, полный обед из трех блюд.

— Это еще что за чушь? — спросил один из отцов.

— Уважаемый сэр! — воскликнул мистер Уонка. — Когда эта жевательная резинка появится в магазинах, произойдет буквально революция в приготовлении пищи. С готовкой и возней на кухне будет покончено раз и навсегда! Не нужно будет покупать ни мяса, ни круп, ни каких-нибудь других продуктов! Отпадет надобность в ножах, ложках и вилках! Тарелки тоже будут ни к чему. А следовательно, не надо будет мыть посуду и вытираять со стола. Никаких забот! Маленькая полоска «Волшебной жевательной резинки Уонка» — и вам не нужен ни завтрак, ни обед, ни ужин! В частности, вот этот кусочек жвачки, сделанный на ваших глазах, заключает в себе томатный суп, жаркое и пирог с черникой. Но, в принципе, содержимое может быть и любым другим.

— Как это в ней заключается томатный суп, жаркое и пирог с черникой? — спросила Виолетта Борегард.

— Очень просто. Стоит начать ее жевать, как ваш организм полностью получит все, что я назвал. Причем, вы буквально почувствуете, как пища проходит по пищеводу в желудок, и испытаете ощущение полной сытости! Это просто потрясающе!

— Но это абсолютно невозможно! — заявила Верука Солт.

— Раз это жевательная резинка и ее можно жевать, то эта штука для меня! — воскликнула Виолетта Борегард, торопливо вынимая изо рта свою жвачку-рекордистку и прилепляя ее за ухо. — Мистер Уонка, дайте-ка мне вашу волшебную жвачку и посмотрим, как она работает.

— Прекрати, Виолетта! — вмешалась миссис Борегард. — Не стоит делать глупостей.

— Я хочу попробовать эту жвачку! — упрямо сказала Виолетта. — Что тут глупого?

— Я бы не советовал тебе пробовать ее именно сейчас, — мягко сказал мистер Уонка. — Видишь ли, она еще не совсем готова и есть кое-какие недоработки...

— Плевать! — заявила Виолетта и, прежде чем мистер Уонка успел ей

помешать, протянула свою толстую ручку, выхватила из ящичка полоску жвачки и сунула ее в рот.

И тут же ее тренированные челюсти заработали, как жернова.

— Не надо! — воскликнул мистер Уонка.

— Невероятно! — закричала Виолетта. — Настоящий томатный суп! Горячий, жирный и ароматный! Я чувствую во рту его вкус!

— Остановись! — волновался мистер Уонка. — Жвачка еще не готова. Она может подействовать как-нибудь не так!

— Все в порядке! — заявила Виолетта. — Она действует прекрасно! Что за чудесный суп!

— Выплюнь ее! — сказал мистер Уонка.

— Вкус меняется! — закричала Виолетта, одновременно жуя и улыбаясь. — Пошло второе блюдо! Жаркое! Такое нежное и сочное! Боже, что за аромат! И жареная картошка тоже чудесная! Корочка так и хрустит, а масло такое вкусное!

— Ой, как интересно! — воскликнула миссис Борегард. — Виолетта, ты такая умница!

— Жуй-жуй, моя девочка, — проговорил мистер Борегард. — Жуй, не бойся. Сегодня великий день для семьи Борегардов. Наша малышка первая в мире жует питательную жевательную резинку!

Все остальные с любопытством наблюдали, как Виолетта Борегард жует эту невероятную жвачку, Чарли Баккет, словно зачарованный, не мог оторвать глаз от ее большого энергичного рта, а рядом с мальчиком застыл в изумлении дедушка Джо. И только мистер Уонка, в отчаянье заламывая руки, повторял:

— Нет, нет! Ее еще нельзя жевать! Она не готова! Выплюнь сейчас же!

— Черничный пирог с кремом! — закричала Виолетта. — Божественно! Изумительно! Самый настоящий, самый лучший в мире черничный пирог! Как будто я жую его большими кусками!

— Господи Боже мой! — вдруг завизжала миссис Борегард. — Девочка моя, что с твоим носом?



— Успокойся, мама! Не мешай мне! — ответила Виолетта.

— Он синеет! — надрывалась миссис Борегард. — Становится синим, как черника!

— Верно! — закричал мистер Борегард, — У тебя весь нос фиолетовый!

— Что ты хочешь сказать? — спросила Виолетта, не переставая жевать.

— А щеки! — завопила миссис Борегард, — Они тоже синеют! И подбородок! У тебя уже все лицо посинело!

— Выплюнь сейчас же эту жвачку! — приказал мистер Борегард.

— Господи, помилуй нас! — надрывалась миссис Борегард.

— Она уже вся синяя с ног до головы! Даже волосы и те посинели! Девочка моя, что с тобой! Виолетта моя, ты стала вся фиолетовая!

— Я предупреждал, что жвачка еще не готова, — вздохнул мистер Уонка, грустно качая головой.

— Ничего вы не предупреждали! — орала миссис Борегард. — Да вы только посмотрите на нее!

Впрочем, все и так не сводили глаз с Виолетты. И на это жуткое зрелище стоило посмотреть. Лицо, шея, руки, ноги — да собственно, все тело девочки — и даже огромная шапка ее курчавых волос переливались теперь всеми оттенками темно-синего и фиолетового цветов, словно черничный сок!

— У нас всегда что-то не ладилось, когда дело доходило до десерта, — вздохнул мистер Уонка. — А все этот черничный пирог. Но я доведу его до ума, вот увидите!

— Виолетта! — в ужасе закричала миссис Борегард. — Что с тобой? Ты раздуваешься!

— Меня тошнит, — проговорила Виолетта.

— Ты раздуваешься! — снова закричала миссис Борегард.

— Какое странное ощущение! — задыхаясь, пробормотала девочка.

— Еще бы! — сказал мистер Борегард.

— Господи! — верещала миссис Борегард. — Доченька моя, ты похожа на воздушный шар!

— Скорей, на огромную ягоду черники, — сказал мистер Уонка.

— Доктора! — закричал мистер Борегард.

— Проткните ее булавкой! — посоветовал кто-то из мужчин.

— Помогите же ей! — заламывала руки миссис Борегард.

Но помочь девочке было уже нельзя. Ее тело меняло очертания с такой

скоростью, что меньше, чем через минуту, представляло собой огромный темно-синий шар — попросту говоря, гигантскую черничину — и о прежней Виолетте Борегард напоминали теперь только две пары крошечных ручек и ножек да маленькая головка, торчавшие с разных сторон из этой огромной ягоды.

— Вот так у нас всегда и получалось, — с очередным вздохом проговорил мистер Уонка. — Я двадцать раз ставил этот эксперимент на двадцати симпатимпасах, и каждый из них превращался в чернику. Самое обидное, что я до сих пор не могу понять почему.

— Я не хочу, чтобы моя дочь превратилась в чернику! — завопила миссис Борегард. — Сделайте так, чтобы она стала прежней!

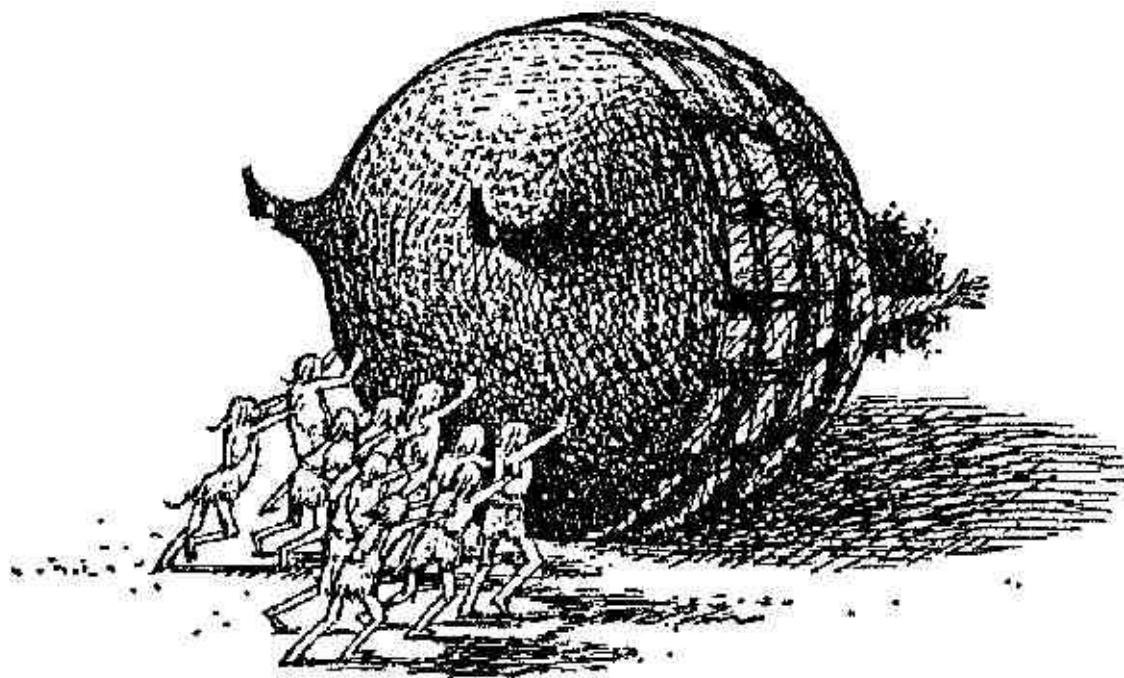
Мистер Уонка щелкнул пальцами, и тут же рядом с ним появились десять симпатимпасов.

— Откатите мисс Борегард обратно в шлюпку, — приказал он им, — и немедленно доставьте ее в Соковыжимальный Цех.

— В Соковыжимальный Цех? — закричала миссис Борегард. — Что они собираются там с ней делать?

— Ее нужно сейчас же отжать, — сказал мистер Уонка. — Выжать из нее весь сок, а там посмотрим, что получится. Не стоит беспокоиться, дорогая миссис Борегард! Как бы то ни было, мы приведем в порядок вашу дочь! Честное слово, мне очень жаль, что так вышло...

Десять симпатимпасов, как бочку, покатили огромную ягоду по полу через весь Цех Изобретений к двери, выходящей на шоколадную реку, где ждала розовая шлюпка, и мистер и миссис Борегард поспешили за ними. Все остальные (и в том числе Чарли Баккет и дедушка Джо) молча смотрели им вслед.



— Ты слышишь, дедушка? — прошептал Чарли, — Симпатимпасы там в шлюпке что-то поют!

И действительно, снаружи раздавался стройный многоголосый хор. Слова были слышны вполне отчетливо:

— Не может быть сомненья даже,
Что в мире нет явленья гаже,
Чем юная особа та,
Что месяцами изо рта
Не вынимает жвачки (это
Сравниться может в мненье света
Лишь с ковырянием в носу,
Что губит девичью красу
Под корень). Нам известно точно:
Все, кто привержен сей порочной
Привычке, будут в некий срок
Наказаны за свой порок.
Как не пошла она во благо
Известной всем мадам Жеваго,
Что набивала жвачкой рот
Буквально сутки напролет.

Она жевала дома в ванной,
В гостях на вечеринке званой,
В такси и даже — стыд и срам! —
Входила с жвачкой в Божий храм.
А если у нее в заначке
Не оставалось больше жвачки,
Она жевала все, что под
Руку ей только попадет
(Причем с отменным аппетитом):
Куски линолеума, битум,
Чужое нижнее белье
(Но почему-то не свое),
Покрышки от автомашины
И нос любимого мужчины.
На протяженье многих лет
Тянулся этот жвачный бред,
Пока не завершился самой
Что ни на есть кровавой драмой:
Уже сгустилась ночи мгла,
Когда в постель свою легла
Мадам Жеваго. Для начала
Она немного почитала,
Жуя в кровати (даже там!),
Как заводной гиппопотам.
Потом, сжевав четыре пачки
И выплюнув остаток жвачки
На позолоченный поднос,
Она, уткнув в подушку нос
И отсчитав два-три десятка
Овец, уснула сладко-сладко.

Но что за чудо! Спит мадам,
А тренированным зубам
Ее не спится ни в какую —
Они молотят вхолостую!
Остановиться им невмочь.
Представьте лишь: глухая ночь,
И с жутким звуком плотоядным

В кромешном мраке непроглядном
Жуёт невидимая пасть:
«Хрясть-хрясть-хрясть-хрясть!
Хрясть-хрясть-хрясть-хрясть!»
И вдруг, застыв на миг короткий,
Огромная раскрылась глотка
И, лязгнув как стальная дверь,
Язык свой собственный на две
Перекусила половинки!..

Вот так из-за любви к резинке
Осталась навсегда немой
(Благодаря себе самой)
Мадам Жеваго и отныне
Была помещена родными
В приют для потерявших речь.
Вот почему предостеречь
Хотели б мы мисс Виолетту,
Чтоб не пришлось ей участь эту
Же разделить. Ведь, ей-же-ей,
Еще совсем не поздно ей
Решиться жизнь начать сначала!
Хотя надежд на это мало.

22. ПО КОРИДОРУ

— Ну что ж, — вздохнул мистер Уонка, — на двух непослушных детей стало меньше. Будем надеяться, что осталось трое послушных. Но я все-таки думаю, что нам стоит от греха подальше уйти из этого цеха, а то мы потеряем кого-нибудь еще.

— Но мистер Уонка, — с тревогой спросил Чарли Баккет, — что же будет с Виолеттой Борегард? Неужели она навсегда останется черникой?

— Ее выжмут в два счета! — торжественно заявил мистер Уонка. — Закатят в соковыжималку, и все будет в лучшем виде!

— Но она по-прежнему останется синей с головы до пят? — спросил Чарли.

— Не синей, а фиолетовой! — воскликнул мистер Уонка. — Прекрасный, густой фиолетовый цвет! Ничего не поделаешь — так бывает с теми скверными детьми, что жуют жвачку целыми днями!

— Если вы считаете, что жевать резинку так плохо, то почему вы сами делаете ее на своей фабрике? — спросил Майк Телик.

— Что ты там бормочешь себе под нос? — проговорил мистер Уонка. — Ни слова не могу разобрать! Но пора идти! У нас мало времени. За мной!

С этими словами мистер Уонка прошмыгнулся в дальний угол Цеха Изобретений и юркнул в маленькую потайную дверцу, упрятанную за печами и трубами. Трое оставшихся детей — Верука Солт, Майк Телик и Чарли Баккет — и пятеро оставшихся взрослых поспешили за ним.

Чарли увидел, что они снова оказались в одном из прежних розовых коридоров, от которого ответвлялись во все стороны другие такие же розовые коридоры. Мистер Уонка быстро шагал впереди всех, поворачивая то направо, то налево.

— Держись крепче за руку, Чарли! — сказал дедушка Джо. — Не дай Бог здесь потеряться!

— У нас нет больше времени валять дурака, — говорил на ходу мистер Уонка. — Такими темпами мы ничего не успеем!

Он еще быстрей устремился по бесконечным розовым коридорам. Его лоснящийся черный цилиндр сверкал впереди, как маяк, а фалды его бархатного фрака развевались на ветру, словно знамя.

Они миновали какую-то дверь в стене.

— Дальше! — прокричал мистер Уонка. — Шире шаг! Шире шаг!

Компания миновала еще одну дверь, потом еще и еще. Теперь двери в коридоре попадались уже буквально через каждые двадцать шагов и на каждой из них была своя надпись. Вдобавок из-за некоторых дверей раздавались какие-то непонятные звуки, из-за других через замочные скважины доносились изысканные запахи, а из-под третьих сквозь щели внизу вырывались облачки дыма.

Хотя дедушке Джо и Чарли Баккету приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от мистера Уонка, они успевали прочесть надписи на дверях. На одной было написано: СЪЕДОБНЫЕ ЗЕФИРНЫЕ ПОДУШКИ.

— Съедобные подушки просто великолепны! — кричал на ходу мистер Уонка. — Когда я пущу их в продажу, их будут с руками отрывать! Но никогда останавливаться! Нет времени!

ЛИЖУЩИЕСЯ ОБОИ ДЛЯ ДЕТСКИХ КОМНАТ — гласила надпись над следующей дверью.

— Отличная штука эти лижущиеся обои! — воскликнул мистер Уонка, пробегая мимо. — На них нарисованы разные фрукты: бананы, яблоки, апельсины, виноград, клубника, улыбника...

— Улыбника? — удивился Майк Телик.

— Не перебивай меня! — заявил мистер Уонка. — Так вот, на обоях нарисованы все эти фрукты, и если полизать изображение банана, то почувствуешь вкус банана, а если полизать изображение клубники, то почувствуешь вкус клубники. А если полизать изображение улыбники, то почувствуешь вкус самой настоящей улыбники...

— А какой у нее вкус? — спросил Майк Телик.

— У тебя опять каша во рту, — сказал мистер Уонка. — Следующий раз спрашивай разборчивей. Но идем дальше! Мы опаздываем!

ГОРЯЧЕЕ МОРОЖЕНОЕ ДЛЯ ХОЛОДНОЙ ПОГОДЫ — было написано над следующей дверью.

— Чрезвычайно полезная вещь в зимних условиях, — проговорил мистер Уонка, не сбавляя шага. — Очень согревает в холода! Кроме того, я делаю из этого мороженого специальные кубики, чтобы класть их в горячие напитки. От горячего мороженого горячие напитки становятся еще горячей.

КОРОВЫ, ДАЮЩИЕ ШОКОЛАДНОЕ МОЛОКО — гласила следующая надпись.

— Ах, мои миленькие коровки! — умильно воскликнул мистер Уонка. — Как же я их люблю!

— Но почему нам нельзя на них посмотреть? — спросила Верука Солт.

— Почему мы должны бежать сломя голову и не останавливаемся в

таких интересных комнатах?

— Мы остановимся там, где нужно! — выкрикнул мистер Уонка. — Имей хоть каплю терпения!

ОКРЫЛЯЮЩИЕ ГАЗИРОВАННЫЕ НАПИТКИ — значилось над очередной дверью.

— Это просто чудо! — воскликнул мистер Уонка. — В пузырьках этих напитков содержится специальный газ, который обладает такой зверской подъемной силой, что, когда он наполняет ваш желудок, вы начинаете подниматься вверх, как воздушный шарик, пока не упретесь головой в потолок — и остаетесь висеть там.

— А как же после этого спуститься вниз? — спросил Чарли.

— Естественно, надо рыгнуть, — ответил мистер Уонка — Грубо, вульгарно, от души рыгнуть. Газ выйдет наружу, а вы опуститесь вниз. Только ни в коем случае не пейте этих напитков на улице! Неизвестно, как высоко вы тогда улетите. Один раз я на заднем дворе дал этот напиток одному престарелому симпатимпасу, так он начал подниматься, и поднимался, пока не скрылся из виду. Увы, с тех пор я больше его не видел.

— Ему надо было рыгнуть, — сказал Чарли.

— Конечно! — воскликнул мистер Уонка, — Я стоял внизу и кричал ему: «Рыгайте, старый дурак! Почему же вы не рыгаете?» Но он не рыгнул: не смог или не захотел — не знаю. Возможно, он был слишком хорошо воспитан. Сейчас он, наверно, уже долетел до луны.

На следующей двери было написано: КВАДРАТНЫЕ КОНФЕТЫ, КОТОРЫЕ ПОКОСИЛИСЬ.

— Остановитесь-ка на минутку! — закричал мистер Уонка, внезапно останавливаясь сам. — Я невероятно горжусь своими шоколадными конфетами, которые покосились. Давайте-ка заглянем сюда.

23. КВАДРАТНЫЕ КОНФЕТЫ, КОТОРЫЕ ПОКОСИЛИСЬ

Все остановились и столпились у двери. Ее верхняя половина была стеклянной, и дедушка Джо поднял Чарли, чтобы ему было лучше видно. Чарли увидел длинный стол, на котором в несколько рядов лежали маленькие белые квадратные конфеты. Они были похожи на обычные кусочки сахара, с той лишь разницей, что на каждом из них розовой краской была нарисована забавная рожица. У дальнего конца стола симпатимпасы разрисовывали еще не раскрашенные конфеты.

— Вот они! — воскликнул мистер Уонка. — Квадратные конфеты, которые покосились!

— Но что-то совсем не похоже, что они покосились, — недовольно проворчал Майк Телик.

— Они же совсем ровные! — заявила Верука Солт. — Совершенно ровные и квадратные!

— Они и есть квадратные, — сказал мистер Уонка. — Разве я говорил, что они какие-то другие?

— Вы говорили, что они косые, — возразила Верука Солт.

— Я никогда не говорил ничего подобного! — сказал мистер Уонка. — Я говорил, что они покосились.

— Но они же не покосились, — не отступала Верука Солт. — Они совершенно ровные.

— Нет, они покосились! — настаивал мистер Уонка.

— Ничего похожего! — закричала Верука Солт. — Они нисколечко не покосились!

— Верука, дорогая, — вмешалась миссис Солт, — Не слушай мистера Уонка. Он попросту врет!

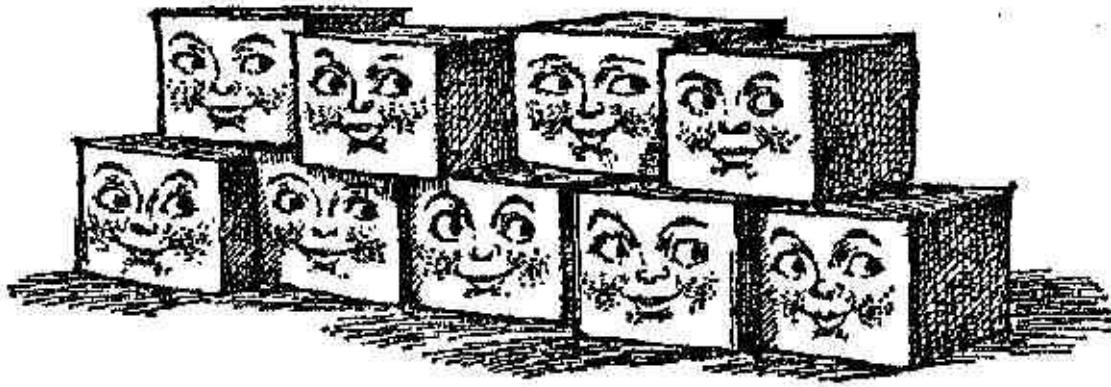
— А вас, драгоценнейшая старая грымза, я бы попросил пойти куда подальше! — сказал мистер Уонка.

— Как вы смеете так разговаривать со мной! — закричала миссис Солт.

— Да заткнитесь вы! — отмахнулся от нее мистер Уонка. — А теперь смотрите все!

Он достал из кармана ключ, отпер дверь и широко ее распахнул. И тут, едва дверь открылась, все квадратные рожицы действительно покосились

посмотреть, кто пришел, и застыли, уставившись на мистера Уонка.



— Ага! — торжествующе закричал он. — Кто был прав? Они покосились! Не может быть двух мнений! Вот они, мои квадратные конфеты, которые покосились!

— Хоть присягнуть, но это так! — проговорил дедушка Джо.

— Пошли дальше! — воскликнул мистер Уонка, снова устремляясь вперед по коридору. — Нечего терять время!

РОМОВЫЕ БАБЫ. ВМЕСТЕ И ПО ОТДЕЛЬНОСТИ — гласила надпись над следующей дверью.

— Ого! — воскликнул мистер Солт. — Вот это уже поинтересней!

Из-за закрытой двери доносились взрывы хохота и обрывки каких-то веселых песен.

— Они там все пьяны как сапожники, — сказал мистер Уонка. — Большинство симпатимпасов почему-то предпочитает по отдельности, хотя вместе это тоже совсем неплохо. Но идемте дальше! Нельзя же останавливаться у каждой двери!

Он повернулся налево, потом направо, и вся компания вышла к длинной лестнице. Мистер Уонка съехал вниз по перилам. Трое детей последовали его примеру.

Две оставшихся женщины — миссис Солт и миссис Телик — уже совершенно выбились из сил. Особенно тяжело дышала миссис Солт, которая имела несчастье быть чрезвычайно низкорослой и толстой особой. Она топталаась как носорог, едва успевая за мистером Уонка на своих коротеньких ножках.

А он уже кричал снизу:

— Сюда!

— Нельзя ли чуть помедленней! — задыхаясь, простонала она.

— Ни в коем случае! — отвечал мистер Уонка. — Иначе мы можем

опоздать.

— Опоздать куда? — спросила Верука Солт.

— Не торопись, — ответил мистер Уонка. — Когда придет время, ты все узнаешь.

24. ВЕРУКА В ОРЕХОВОМ ЦЕХЕ

Мистер Уонка мчался дальше по коридору. На следующей двери значилось: ОРЕХОВЫЙ ЦЕХ.

— Так и быть, — сказал он, — давайте остановимся здесь на минутку, чтобы вы могли перевести дух, а заодно посмотреть, что там делается внутри. Загляните сюда через стекло на двери, но ни в коем случае не входите внутрь! В ОРЕХОВЫЙ ЦЕХ нельзя заходить ни под каким видом! Вы можете потревожить моих белок.

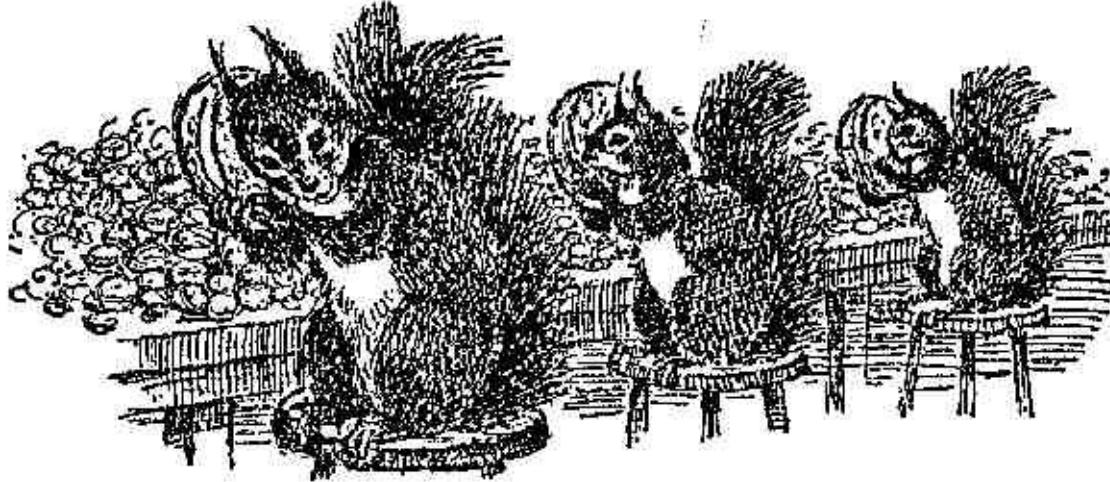
Вся компания столпилась около двери.

— Смотри, дедушка, смотри! — воскликнул Чарли.

— Настоящие белки! — кричала Верука Солт.

— Вот это да! — проговорил Майк Телик.

Это было потрясающее зрелище. Вокруг большого круглого стола, заваленного грудами грецких орехов, на высоких стульях сидело не меньше сотни белок, и все они с огромной скоростью и не прерываясь ни на минуту разгрызали ореховые скорлупки.



— Эти белки специально обучены очищать ядра от скорлупок, — объяснил мистер Уонка.

— Но почему это должны делать белки, а не, скажем, те же симпатимпасы? — спросил Майк Телик.

— Потому что симпатимпасы не могут достать ядро грецкого ореха целиком, — ответил мистер Уонка. — Они всегда ломают его пополам. Никто, кроме белок, не может очищать грецкие орехи целиком. Это очень трудное дело. То есть иногда это у кого-то может получиться, но делать это

из раза в раз могут только белки. А на моей фабрике используются только целые ядра грецких орехов. Вот почему мне приходится использовать белок. Посмотрите, как здорово они это делают! Видите, они сначала пропускают каждый орех своими лапками, чтобы проверить не испорченный ли он. У испорченного ореха обычно пустой звук, и тогда белки его не разгрызают, а просто выбрасывают. Вот, смотрите! Кажется, ближней к нам белке как раз попался испорченный орех!

Все увидели, как маленькая белочка приложила ухо к одной стороне ореха, постучала лапкой по другой, внимательно прислушалась и вдруг бросила орех через плечо в большое отверстие в полу.

— Мама! — закричала Верука Солт. — Я хочу такую белку! Купи мне ее сейчас же!

— Не говори глупостей, дорогая! — сказала миссис Солт. — Эти белки принадлежат мистеру Уонка.

— Знать ничего не желаю! — разошлась Верука. — Хочу белку! У меня всего-навсего две собаки, четыре кошки, шесть кроликов, два желтых попугая и один зеленый, три канарейки, черепаха, аквариум с рыбками, клетка с белыми мышами и старый глупый хомяк. Хочу белку, и никаких отговорок!

— Хорошо, хорошо, моя радость, — пыталась успокоить дочку миссис Солт. — Мама купит тебе белку, как только появится такая возможность.

— Но мне не нужна первая попавшаяся! — кричала Верука. — Я хочу ученую белку!

Тут вперед выступил мистер Солт, отец Веруки.

— Ну ладно, Уонка, — важно заговорил он, доставая бумажник, битком набитый деньгами. — Сколько вы хотите за одну из этих белок? Назовите свою цену.

— Они не продаются, — ответил мистер Уонка. — Ваша дочь не сможет получить ни одной.

— Кто сказал, что я не смогу ее получить! — закричала Верука. — Да я сейчас сама возьму, если на то пошло!

— Не надо! — быстро сказал мистер Уонка.

Но он опоздал. Девчонка уже успела распахнуть настежь дверь и ринулась внутрь.

Едва она влетела в комнату, как все сто белок тотчас же прекратили свою работу и уставились на нее своими маленькими черными глазами-бусинками.

Верука остановилась и тоже смотрела на них. Потом ее взгляд упал на ближнюю к ней симпатичную маленькую белочку, сидевшую у самого края

стола.

— Отлично! — заявила Верука. — Я беру тебя!

Но стоило ей только протянуть руки, чтобы схватить животное, стоило ей только сделать первое движение, как по комнате словно бы пронесся коричневый вихрь — все белки до единой сорвались со своих мест в стремительном прыжке и приземлились на тело Веруки!

Двадцать пять белок вцепились в правую руку и опустили ее вниз.

Еще двадцать пять вцепились в левую руку и сделали то же самое.

Другие двадцать пять приковали к месту правую ногу. А остальные двадцать пять — левую.

Тогда как последняя, сто первая белка (по всей видимости, она была самой старшей среди них), вскарабкалась по плечу несносной девчонки и начала простукивать ее голову своими лапками.

— Спасите ее! — завизжала миссис Солт. — Верука, вернись сейчас же! Господи, что они делают с ней?

— Они простукивают ее, как орех, чтобы проверить, не испорченный ли он, — ответил мистер Уонка. — Теперь смотрите, что будет дальше.

Верука боролась изо всех сил, но белки держали ее так крепко, что она едва могла шевелиться. А тем временем белка на ее плече продолжала тщательно простукивать ее голову.

И тут белки разом повалили Веруку на пол и потащили через комнату.

— Боже мой, они приняли ее за испорченный орех! — проговорил мистер Уонка. — А что еще они могли подумать, если ее голова издает совершенно пустой звук?

Напрасно Верука вопила и брыкалась: маленькие сильные лапки держали ее крепко и сопротивление было бесполезно.



— Куда они тащат ее? — взвизгнула миссис Солт.

— Туда, куда они выбрасывают все пустые орехи, — ответил мистер Уилли Уонка, — в мусорный транспортер.

— Боже, как же она покатится вниз по транспортеру! — воскликнул мистер Солт, глядя на свою дочь через стеклянную дверь.

— Спасите же ее! — кричала миссис Солт.

— Слишком поздно! — сказал мистер Уонка. — Она уже покатилась. И это действительно было так.

— Но куда? — заверещала миссис Солт, всплеснув руками. — Куда попадают пустые орехи? Куда ведет этот транспортер?

— Что касается этого транспортера, — ответил мистер Уонка, — то он ведет непосредственно к центральной мусорной трубе, куда попадают отходы со всей фабрики: картофельные очистки, рыбы головы, гнилая капуста и всякий другой хлам и сор.

— Хотел бы я знать, кто на этой фабрике ест рыбу, капусту и картошку? — спросил Майк Телик.

— Ну конечно, я — ответил мистер Уонка. — Уж не думаешь ли ты,

что я, как симпатимпасы, питаюсь исключительно какао-бобами?

— Но куда же, куда выходит ваша центральная мусорная труба? — вопила миссис Солт.

— Натурально, в мусоросжигатель, — хладнокровно ответил мистер Уонка. — В печь для сжигания отходов.

Миссис Солт широко раскрыла свой огромный красный рот и завыла.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее мистер Уонка. — У нас еще есть шанс, что сегодня ее не затопят.

— Шанс! — завопила миссис Солт. — Моя бедная девочка! Ее же... ее же... ее же поджарят, как сосиску!

— Ты права, дорогая! — заговорил мистер Солт. — Послушайте, Уонка. Мне кажется, на этот раз вы в некоторой степени зашли слишком далеко. Я не шучу. Конечно, моя дочь слегка пошалила — я готов с этим согласиться, — но это еще не повод сжечь ее как полено. Должен сообщить вам, что я весьма недоволен таким положением вещей. Я бы сказал, крайне недоволен.

— Не стоит сердиться,уважаемый сэр, — сказал мистер Уонка. — Рано или поздно с вашей дочерью будет все в порядке. Я думаю, что она даже не опустилась в центральную трубу. Скорей всего, она застряла на транспортере у самой дыры в полу, и если это действительно так, то вам нужно только зайти в комнату и вытащить вашу дочь наружу.

Услышав это, мистер и миссис Солт буквально вломились в Ореховый Цех, подбежали к отверстию и уставились вниз.

— Верука! — закричала миссис Солт. — Ты там?

Ответа не было.

Миссис Солт наклонилась к дыре, чтобы рассмотреть получше, что там делается. Она теперь стояла на коленях у самого края отверстия, опустив голову вниз и подняв кверху свой необъятный зад, который возвышался над полом, как огромный гриб. Что и говорить, это была рискованная поза. Достаточно малейшего толчка, не говоря уже пинка... И белки не упустили такую замечательную возможность.

Закудахтив, словно курица, миссис Солт вверх тормашками полетела в дыру.

— Боже милосердный, — проговорил мистер Солт, невозмутимо глядя как его дородная супруга исчезает в темном отверстии, — сколько же там сегодня будет мусора! Ангина, дорогая, как тебе там нравится?

И он тоже наклонился вниз. А белки только этого и ждали!

— На помощь! — крикнул мистер Солт, уже падая на мусорный транспортер, куда перед этим отправились его жена и дочь.

— О, Господи! — воскликнул Чарли, который вместе со всеми остальными наблюдал за этой душераздирающей сценой из-за стеклянной двери. — Что же теперь с ними будет?

— Думаю, кто-нибудь подберет их там, внизу, — ответил мистер Уонка.

— А как же этот ужасный мусоросжигатель? — спросил Чарли.

— Вообще-то, он работает через день, — сказал мистер Уонка. — Так что не исключено, что сегодня его не затопят. Кто знает, может быть, им и повезет...

— Тсс! — воскликнул дедушка Джо. — А вот и еще одна песня! Где-то далеко в коридоре раздались звуки барабанов и началось пенье:

— Верука Солт! — распевали симпатимпасы -

Верука, гадкая Верука,
Свалилась в мусорного люка
Дыру зловонную, а вслед
(Как приносящих страшный вред)
Мы в люк спихнули тот же самый
Ее дородных папу с мамой.

Итак, летит Верука вниз!
И не считите за каприз,
Когда мы вам расскажем вкратце,
Что ей придется там вращаться
Совсем в ином кругу друзей,
Чем доводилось прежде ей.
Огромная гнилая слива
Там ждет ее нетерпеливо:
«Привет, Верука! Как дела?
Я так давно тебя ждала!»
А ниже — радостно и бойко
И остальная вся помойка
Теснится дружною толпой:
Кулек с яичной скорлупой,
Хребет обглоданный селедки,
Бифштекс, что стал черствей подметки,
Засохший хлеб, прогорклый жир,
Пустой орех, подгнивший сыр,

Кусок испорченного сала,
Воняющий за три квартала,
Кошачий, миль пардон, помет
И прочий весь помойный сброд,
Всяк со своим ужасным смрадом.
Вот с кем теперь Веруке рядом
Делить досуг придется свой!
Вот оказалась каковой
Расплата мерзкого созданья
За недочеты в воспитанье!
Но нас, конечно, спросят здесь,
А справедливо ли, что весь
Позор и искупленья муки
Пришлись на долю лишь Веруке
И честно ль будет всю вину
Валить лишь на нее одну?
Да, девочку избаловали,
Но согласитесь, что едва ли
Она могла (к чему скрывать?)
Сама себя избаловать.
Ей в этом помогли — но кто же?
Кто день за днем лез вон из кожи,
Спеша исполнить юной мисс
Любую прихоть иль каприз?
Кто те, чьи любящие руки
Коверкали судьбу Веруки
И превратили, как ни глянь,
Ее в законченную дрянь?
Увы, должны сказать мы прямо:
То папа девочки и мама!
Вот почему нам столь отрадно,
Что и они — в помойке смрадной.

25. ОГРОМНЫЙ СТЕКЛЯННЫЙ ЛИФТ

— Никогда не видел ничего подобного! — воскликнул мистер Уонка. — Дети расползаются как тараканы! Но не стоит тревожиться — с ними в конце концов будет все в порядке!

Он оглядел тех немногих, которые остались рядом с ним в коридоре. Их было теперь всего пятеро: двое детей — Чарли Баккет и Майк Телик и трое взрослых — дедушка Джо, мистер Телик и миссис Телик.

— Ну что, идем дальше? — спросил мистер Уонка.

— Да! — хором воскликнули Чарли и дедушка Джо.

— У меня устали ноги! — заявил Майк Телик. — Сейчас бы телевизор посмотреть!

— Если ты так устал, то лучше поедем на лифте, — решил мистер Уонка. — Это вот здесь. Идемте! Заходите внутрь!

Одним прыжком он оказался перед двойными дверьми, которые сейчас же распахнулись. Двое детей и трое взрослых вошли в лифт.



— Итак, — сказал мистер Уонка, — с какой кнопки начнем?
Выбирайте!

Чарли Баккет в изумлении глазел по сторонам. Такого чудного лифта он еще не видел никогда в жизни. Кнопки были везде — все стены и даже потолок покрывали бесконечные ряды маленьких черных кнопок! Их было, наверно, по тысяче на каждой стене и еще столько же на потолке. Потом Чарли заметил, что около каждой кнопки прикреплена небольшая табличка с надписью, разъяснявшей, куда можно попасть, если нажать эту кнопку.

— Это не обычный лифт, который может ездить только вверх-вниз, — объявил мистер Уонка. — Он может, кроме того, ездить взад-вперед, а также вбок, вкривь, вкось и в любом другом направлении! На нем можно попасть в любое помещение моей фабрики. Нужно только нажать кнопку — чпок! — и вы на месте.

— Фантастика! — пробормотал дедушка Джо, восторженно пожирая глазами бесчисленные ряды кнопок.

— Сам лифт, — продолжал мистер Уонка, — целиком сделан из толстого стекла. Стены, двери, пол, потолок — все из отличного прозрачного стекла, чтобы всегда можно было видеть, что делается снаружи.

— Но там еще нечего видеть, — сказал Майк Телик.

— Нужно нажать кнопку, — ответил мистер Уонка. — Но каждый из двух детей может сделать это только один раз. Выбирайте! В каждом помещении вас ждет что-то волшебное и очень вкусное. Ну, живей!

Чарли начал торопливо читать таблички.

ЛЕДЕНЦОДОБЫВАЮЩАЯ ШАХТА. ГЛУБИНА 10 ОOO ФУТОВ —
гласила одна из них.

КАТОК ИЗ КОКОСОВОГО МОРОЖЕНОГО — было написано на другой.

Дальше шло:

ВОДЯНЫЕ ПИСТОЛЕТЫ — СТРЕЛЯЮТ КЛУБНИЧНЫМ СОКОМ.

САЖЕНЦЫ ИРИСКОВЫХ ЯБЛОНОНЬ ДЛЯ ВАШЕГО САДА. ВСЕ РАЗМЕРЫ.

САМОВЗРЫВАЮЩИЕСЯ СЛАСТИ ДЛЯ ВАШИХ ВРАГОВ.

СВЕТЯЩИЕСЯ КОНФЕТЫ ДЛЯ СОСАНИЯ НОЧЬЮ В ПОСТЕЛИ.

МЯТНЫЕ КОВРИЖКИ ДЛЯ СОСЕДСКОГО МАЛЬЧИШКИ.

ГАРАНТИРОВАННАЯ ОСКОМИНА НА ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ.

ПЕЧЕНЬЕ ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ БОЛЬНЫХ ЗУБОВ. ПЛОМБИРОВАНИЕ БЕЗ ВРАЧА.

ТЯНУЧКИ-ЗАТЫЧКИ ДЛЯ ЧЕРЕСЧУР РАЗГОВОРЧИВЫХ

РОДИТЕЛЕЙ.

САХАРНЫЕ ЧЕРВЯЧКИ. ПОЛЗАЮТ В ЖЕЛУДКЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ПОГЛОЩЕНИЯ. ВОСХИТИТЕЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ!

ШОКОЛАДКИ-НЕВИДИМКИ ДЛЯ ЖЕВАНЬЯ НА УРОКЕ.

СЛАДКИЕ КАРАНДАШИ ДЛЯ СОСАНИЯ ВО ВРЕМЯ ДИКТАНТА.
ЛИМОНАДНЫЙ БАССЕЙН.

ВОЛШЕБНЫЕ РУЧНЫЕ ИРИСКИ. КОГДА ОНИ У ВАС В РУКЕ, ВКУС ТАКОЙ, КАК БУДТО ОНИ НА ЯЗЫКЕ.

РАДУЖНЫЕ КАРАМЕЛИ. ПОСЛЕ НИХ МОЖНО ПЛЕВАТЬСЯ СЛЮНЯМИ ВСЕХ ЦВЕТОВ РАДУГИ ПО ВАШЕМУ ЖЕЛАНИЮ.

— Выбирайте скорей! — кричал мистер Уонка, — Не можем же мы ждать целый день!

— А у вас тут нет чего-нибудь вроде Телевизионного Цеха? — спросил Майк Телик.

— Ну конечно, есть, — ответил мистер Уонка. — Вот эта кнопка.

И он указал пальцем на кнопку, рядом с которой висела табличка: ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ШОКОЛАД.

— Ура! Это как раз для меня! — завопил Майк Телик и сейчас же ткнул большим пальцем в указанную кнопку.

В тот же миг раздался громкий свистящий звук, двери с лязгом захлопнулись и лифт, как ужаленный, сделал внезапный скачок. Причем скачок в сторону. Все пассажиры (кроме мистера Уонка, который держался за ременный поручень, свисавший с потолка) полетели кувырком.

— Поднимайтесь, поднимайтесь! — закричал мистер Уонка, давясь от смеха.

Но едва только они с трудом вернулись в вертикальное положение, как неожиданно лифт резко изменил направление и повернул за угол. И наши путешественники снова оказались на полу.

— Помогите! — закричала миссис Телик.

— Позвольте предложить вам руку, мадам! — галантно сказал мистер Уонка. — Ну, вот и отлично. А теперь возьмитесь за поручень. Это ко всем относится. Наше путешествие еще отнюдь не закончено.

Дедушка Джо поднялся на ноги и уцепился за поручень, а маленький Чарли, который до поручня достать не мог, за неимением лучшего обхватил обеими руками дедушкину ногу.

Лифт мчался вперед как ракета. Впрочем, теперь он уже начал подниматься вверх, но не вертикально, а по наклонной плоскости, словно взбирался по склону крутого холма. А потом, как будто поднявшись на его вершину, вдруг камнем рухнул вниз. Чарли почувствовал, что содержимое

его желудка поднялось к самому горлу.

— Эй, куда это мы? — закричал дедушка Джо.

— Канат оборвался! Сейчас мы разобьемся! — взвизгнула миссис Телик.

— Успокойтесь, дорогая леди, — ободряюще похлопал ее по плечу мистер Уонка.

Дедушка Джо сверху вниз поглядел на Чарли, который изо всех сил держался за его ногу.

— Ты в порядке, малыш?

— Здорово! — прокричал в ответ Чарли. — Как с горы на санках!

Между тем сквозь стеклянные стены лифта можно было видеть удивительные и невероятные картины, калейдоскопом мелькавшие за стеклом:

огромный желоб, из которого сочилась вязкая, густая коричневая жидкость...

гигантский скалистый ирисковый монолит, от которого симпатимпасы, связанные для страховки веревками, откалывали с боков крупные куски...

какая-то машина, выдувавшая снежные вихри сахарной пудры...

дымящееся озеро горячей расплавленной карамели...

деревня симпатимпасов с крошечными домиками и сотнями ребятишек, ростом не больше четырех дюймов, играющими прямо на улицах...

Тем временем лифт вышел из пике и снова двигался горизонтально. Ноказалось, что теперь он мчится еще быстрей, чем прежде. Чарли даже слышал, как ветер свистел снаружи, когда лифт рывком устремлялся вперед, потом резко поворачивал, потом устремлялся вверх, потом вниз, потом снова вверх, потом...

— Меня сейчас вырвет! — вся позеленев, завопила миссис Телик.

— Умоляю вас, не делайте этого! — сказал мистер Уонка.

— Попробуйте меня остановить! — огрызнулась миссис Телик.

— В крайнем случае сделайте это сюда, — любезно сказал мистер Уонка и, сорвав с головы свой великолепный черный цилиндр, перевернул его вниз дном и сунул под самый нос миссис Телик.

— Сейчас же остановите эту проклятую штуку! — приказал мистер Телик.

— К сожалению, это невозможно, — сказал мистер Уонка. — Он не остановится, пока мы не приедем на место. Остается только надеяться, что никто сейчас не пользуется вторым лифтом.

— Что еще за второй лифт? — взвизгнула миссис Телик.

— Лифт, который движется в противоположном направлении по тем же рельсам, что и наш.

— Черт побери! — закричал мистер Телик. — Вы хотите сказать, что мы можем столкнуться?

— Вообще-то, до сих пор мне везло, — ответил мистер Уонка.

— Теперь-то меня точно вырвет! — воскликнула миссис Телик.

— Ради бога! — вскричал мистер Уонка. — Умоляю вас, не сейчас! Мы уже почти приехали. Пожалейте мой цилиндр!

Через мгновение раздался скрип тормозов и лифт начал останавливаться.

— Веселая поездочка, нечего сказать! — проговорил мистер Телик, утирая носовым платком свое широкое потное лицо.

— Чтоб я хоть еще раз в жизни... — с трудом переводя дыхание, начала было миссис Телик, но тут двери лифта распахнулись и мистер Уонка сказал:

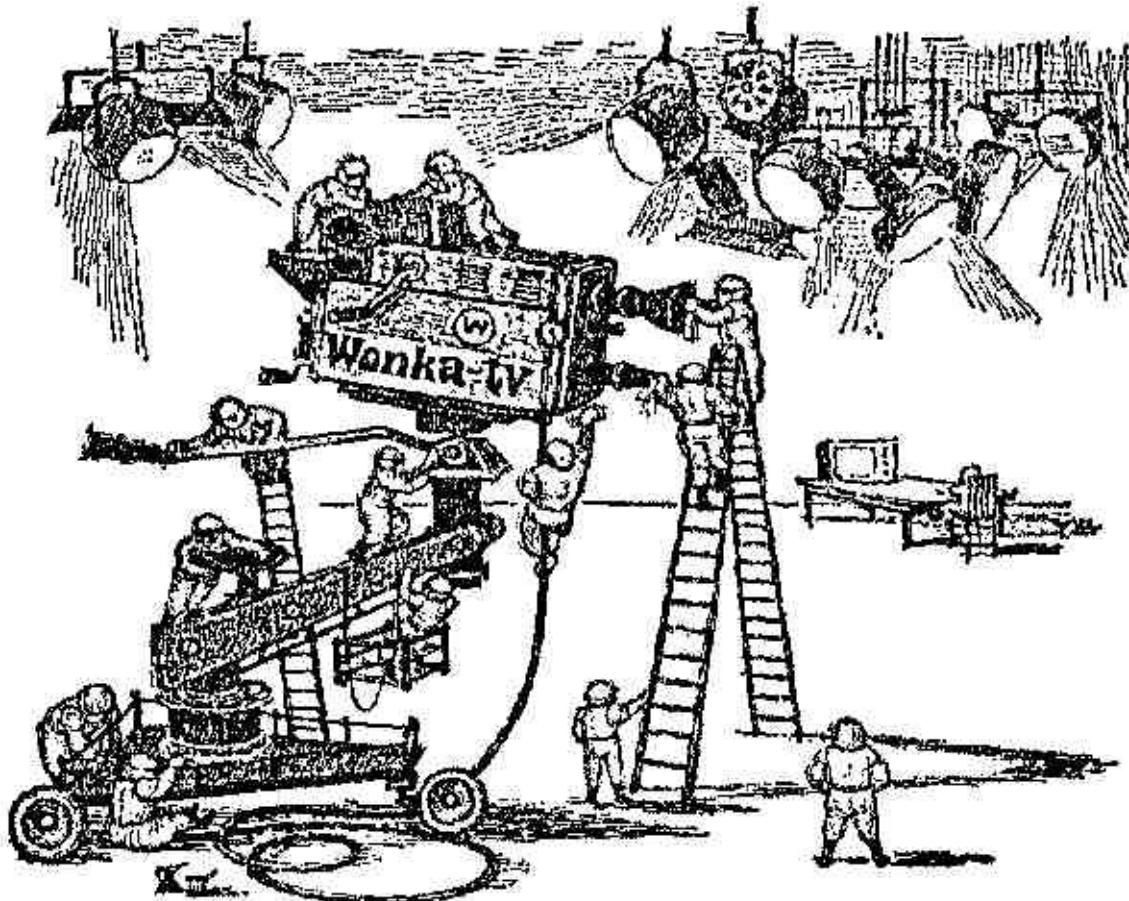
— Одну минуту! Послушайте меня. В этом цехе всем следует соблюдать предельную осторожность. Здесь много всяких опасных штуковин и их нельзя трогать без разрешения!

26. ТЕЛЕВИЗИОННО-ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ

Чарли с дедушкой Джо и все семейство Теликов вышли из лифта и оказались в помещении, залитом таким ослепительно ярким белым светом, что им сейчас же пришлось крепко зажмурить глаза и остановиться. Но тут мистер Уонка вручил каждому по паре темных очков и строго сказал:

— Немедленно наденьте их и ни в коем случае не снимайте, пока вы здесь. А не то от этого освещения вы можете ослепнуть!

Надев свою пару очков, Чарли наконец смог немного оглядеться. Он увидел, что находится в узкой длинной комнате, стены, потолок и даже пол которой выкрашены ярко-белой краской. Нигде не было ни пылинки. С потолка свисали огромные прожекторы и заливали все вокруг сверкающим бледно-синим светом. Комната была практически пуста, если не считать двух противоположных углов. В одном из них стояла гигантская телевизионная камера на колесах, а вокруг нее копошилась целая бригада симпатимпасов, смазывая шарниры, подкручивая ручки и протирая огромный объектив. Причем одеты были симпатимпасы чрезвычайно странно — на них красовались ярко-красные скафандры (во всяком случае, они выглядели как скафандры) со шлемами и защитными очками. Работали симпатимпасы в абсолютном молчании. Глядя на них, Чарли ощущал какую-то смутную опасность. Что-то тревожное и подозрительное чувствовалось во всем этом деле, и сами симпатимпасы, казалось, понимали это. Они медленно и очень осторожно передвигались вокруг огромной камеры, забыв о своем привычном веселом щебетанье и песнях.



В противоположном углу комнаты — шагах в пятидесяти от камеры — за длинным столом располагался один-единственный симпатимпас. Он тоже был одет в ярко-красный скафандр и сидел, уставившись на экран очень большого телевизора.

— Вот мы и пришли! — воскликнул мистер Уонка, подскакивая на месте от возбуждения. — Это Испытательный Цех, где проходит проверку мое самое последнее и самое великое изобретение — Телевизионный Шоколад.

— А что такое этот Телевизионный Шоколад? — спросил Майк Телик.

— Ради бога, мальчик, прекрати меня перебивать! — не выдержал мистер Уонка. — Это изобретение работает при помощи телевидения. Сам я телевизора терпеть не могу. Смотреть его понемногу — еще туда-сюда, но дети, как правило, не могут делать это понемногу. Они готовы целыми днями торчать перед экраном...

— Прямо как я! — гордо сказал Майк Телик.

— Помолчи! — вмешался его отец.

— Благодарю вас, — сказал мистер Уонка. — А сейчас я покажу вам,

как работает мой замечательный телевизор. Но для начала я хочу спросить вас, знаете ли вы, как работает обычный телевизор? Это очень просто. На одном конце, откуда берется картинка, стоит большая камера, которая что-то фотографирует. Потом эти фотографии расщепляются на миллионы мельчайших кусочков, таких маленьких, что их нельзя увидеть человеческим глазом, а потом эти кусочки с помощью электричества выстреливаются в воздух и летят, пока не уткнутся в антенну на крыше чьего-нибудь дома. Тогда они моментально спускаются по проводу к задней стенке телевизора, проникают внутрь и там крутятся и вертятся как в игрушечном калейдоскопе, пока каждый из них не встанет на свое место, и — пожалуйста! — картинка появляется на экране.

— Телевизор работает не совсем так! — заявил Майк Телик.

— Ты должен извинить меня, — сказал мистер Уонка, — но я слегка глуховат на левое ухо и совершенно не слышу, что ты говоришь.

— Я говорю, что телевизор работает не совсем так! — во всю глотку проорал Майк Телик.

— Ты очень хороший мальчик, — сказал мистер Уонка, — только слишком много разговариваешь. Так вот. Когда я в самый первый раз увидел, как работает обычный телевизор, мне пришла в голову потрясающая идея. «Интересно, — подумал я, — если эти ребята могут расщеплять фотографию на мелкие кусочки, послать ее по воздуху и снова собирать на другом конце, то почему я не могу проделать то же самое с плиткой шоколада? Почему я не могу послать по воздуху самую настоящую плитку шоколада в виде маленьких кусочек, а на другом конце собрать ее целиком?»

— Это невозможно! — сказал Майк Телик.

— Ты так думаешь? — воскликнул мистер Уонка. — А теперь смотри! Сейчас я телепортирую плитку моего самого лучшего шоколада из одного конца этой комнаты в другой. Эй, там, приготовьтесь! Принести шоколад!

В тот же момент вперед вышли шесть симпатимпасов, держа на плечах самую большую плитку шоколада, какую Чарли приходилось когда-либо видеть. Она была размером с матрас, на котором он спал дома.

— Необходимо, чтобы она была такой большой, — объяснил мистер Уонка, — потому что на экране все гораздо меньше, чем в натуре. Когда по обычному телевизору показывают высокого человека, на телеэкране он не больше карандаша. Но продолжим. Приготовьтесь! Нет, нет! Стоп! Все сначала! Майк Телик! Отойди назад! Ты стоишь слишком близко от камеры, а от этой штуки идет очень опасное излучение. Оно в два счета может расщепить тебя на миллион мельчайших кусочеков! Вот почему

симпатимпасы носят эти скафандры! Они предохраняют от излучения. Так! Уже лучше! Отлично! Начали! Мотор!

Один из симпатимпасов ухватился за большую ручку и потянул ее вниз. Ослепительная вспышка!

— Шоколад исчез! — закричал дедушка Джо, всплеснув руками.

И точно. Огромная плитка шоколада словно растворилась в воздухе!

— Она в пути! — воскликнул мистер Уонка. — Сейчас она, расщепленная на миллион мельчайших кусочков, пролетает над нашими головами! А теперь сюда! Быстро!

Он (а вслед за ним и все остальные) ринулся в противоположный угол комнаты, где стоял большой телевизор.

— Внимание на экран! — кричал мистер Уонка. — Вот она! Вот она появляется!

Экран вспыхнул и зажегся. И тут внезапно в самой его середине возникла маленькая плитка шоколада!

— Хватай ее! — закричал мистер Уонка, все больше возбуждаясь.

— Как же я могу ее взять, — усмехаясь проговорил Майк Телик. — Ведь это же только изображение.

— Чарли Баккет! — прокричал мистер Уонка. — Тогда ты! Протяни руку и хватай!

Чарли дотронулся рукой до экрана и вдруг почувствовал, как в ней каким-то непостижимым образом оказалась плитка шоколада. От изумления он чуть не выронил ее на пол.

— Съешь ее! — скомандовал мистер Уонка. — Давай, давай, не стесняйся! Она очень вкусная! Это та же самая шоколадка, только в дороге она стала слегка поменьше!

— Это совершенно невероятно! — задыхаясь от волнения, проговорил дедушка Джо. — Это... это... это просто настоящее чудо!

— Только представьте себе, — продолжал мистер Уонка, — что будет, когда я запущу это по всей стране! Вы сидите дома и смотрите телевизор. Вдруг на экране вспыхивает реклама и голос диктора за кадром произносит: «ЕШТЕ ЛУЧШИЙ В МИРЕ ШОКОЛАД УОНКА! ЕСЛИ СОМНЕВАЕТЕСЬ, ТО МОЖЕТЕ ПОПРОБОВАТЬ ХОТЬ СЕЙЧАС!» И вы просто протягиваете руку и берете с экрана плитку шоколада! Ну как?

— Потрясающе! — воскликнул дедушка Джо. — Это перевернет весь мир!

27. ТЕЛЕПОРТАЦИЯ МАЙКА ТЕЛИКА

Майк Телик был возбужден пожалуй даже больше, чем дедушка Джо.

— Скажите, мистер Уонка — закричал он, — а можете вы так же телепортировать не только плитки шоколада, но и что-нибудь другое? Например, кукурузные хлопья для завтрака?

— Проклятье! — воскликнул мистер Уонка. — Никогда не упоминай при мне это отвратительное кушанье. Ты хоть знаешь, из чего делаются твои кукурузные хлопья для завтрака? Из мелких стружек, которые остаются в точилках для карандашей!

— А все-таки, если бы вы захотели, могли бы вы телепортировать их на расстояние, как плитку шоколада? — не отставал Майк Телик.

— Разумеется, мог бы!

— А как насчет людей? — настаивал мальчик. — Могли бы вы таким способом перенести с одного места на другое настоящего живого человека?:

— Человека? — удивился мистер Уонка. — Ты что рехнулся?

— Так могли бы или нет?

— Господи, да я никогда не думал об этом... Наверно, мог бы... Да, пожалуй, я уверен, что мог бы... Без всякого сомнения, мог бы... Хотя я бы не стал рисковать — это может привести к весьма нежелательным последствиям...

Но последней фразы Майк Телик уже не услышал. Едва только мистер Уонка произнес: «Да, пожалуй, я уверен, что мог бы... Без сомнения, мог бы...», как мальчик повернулся и побежал. Он бежал во все лопатки в противоположный угол комнаты, где стояла огромная камера.

— Смотрите на меня! — вопил он. — Я буду первым телепортальным человеком на земле!

— Нет, только не это! — закричал мистер Уонка.

— Майк! — завизжала миссис Телик. — Стой! Вернись сейчас же! Тебя же расщепит на тысячу мельчайших кусочков!

Но Майка Телика было уже не остановить. Обезумевший мальчишка несся как ветер и, добежав до камеры, ринулся прямо к большой ручке, расшвыривая направо и налево подвернувшихся под руку симпатимпасов.

— До скорой встречи! — прокричал он и, дернув за ручку, выпрыгнул прямо на ярко освещенное пространство перед камерой.

И снова ослепительная вспышка! И тишина...

Спустя мгновение миссис Телик рванулась вперед... и остановилась как вкопанная посреди комнаты. Она стояла и смотрела. Смотрела на то место, где только что стоял ее сын... Ее рот широко раскрылся и из него вырвался вопль:

— Его нет!

— Он исчез! — закричал мистер Телик.

Мистер Уонка торопливо подошел к миссис Телик и мягко положил руку ей на плечо.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал он. — Молите Бога, чтобы ваш мальчик оказался на другом конце целым и невредимым.

— Майк! — рыдала миссис Телик, обхватив голову руками. — Где ты?

— Я могу тебе сказать где, — произнес мистер Телик. — Он сейчас проносится над нашими головами в виде тысячи мельчайших кусочков.

— Не говори так! — простонала миссис Телик.

— Нужно следить за телевизором, — сказал мистер Уонка. — Мальчик может там появиться в любой момент.

Мистер Уонка, мистер и миссис Телик, дедушка Джо и Чарли столпились вокруг телевизора, внимательно глядя на экран. Но там никого не было.

— Что-то чертовски долго его нет! — проговорил мистер Телик, утирая пот со лба.

— Господи, — сказал мистер Уонка, — сделай так, чтобы он перенесся целиком!

— Что вы хотите сказать? — резко спросил мистер Телик.

— Я не хочу вас пугать, — ответил мистер Уонка, — но иногда бывает, что только половина кусочков доходит до телевизионного приемника. Так случилось на прошлой неделе. Не знаю почему, но на экране появилась только половина плитки шоколада.

Миссис Телик издала вопль ужаса:

— Значит, к нам вернется только половина моего Майка?

— Будем надеяться, что это будет верхняя половина, — проговорил мистер Телик.

— Внимание! — сказал мистер Уонка. — Следите за экраном! Там что-то происходит.

Экран внезапно начал светиться.

Потом на нем появились какие-то волнистые линии, но мистер Уонка под крутил одну из ручек и линии исчезли.

Экран медленно, очень медленно, становился все светлей и светлей.

— Вон он! — завопил мистер Уонка. — Да, это точно он! Нечего

сомневаться!

— А он целый? — прорыдала миссис Телик.

— Пока еще трудно сказать, — ответил мистер Уонка. — Надо подождать немного.

Сперва очень смутно, но с каждой секундой становясь все отчетливей, на экране появилось изображение Майка Телика. Он стоял во весь рост, улыбаясь до ушей и приветственно размахивая руками.

— Но он стал лилипутом! — воскликнул мистер Телик.

— Майк, — стенала миссис Телик, — у тебя все цело? Ты ничего не потерял по дороге?

— Неужели он не станет хоть немного больше? — кричал мистер Телик. — Майк, — рыдала безутешная миссис Телик, — скажи хоть что-нибудь! Скажи, что с тобой все в порядке!

Из телевизионного динамика донесся, тоненький голосок, напоминавший мышиный писк:

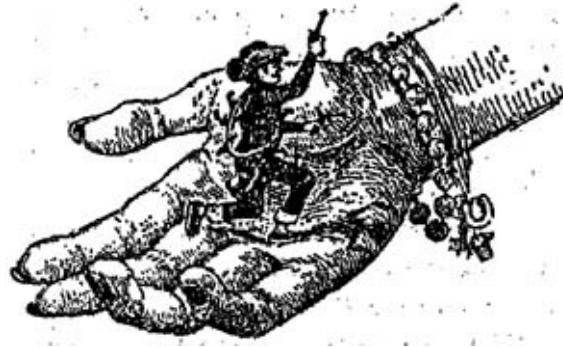
— Привет, мама! Привет, папа! Смотрите на меня! Я — первый телепортированный человек на земле!

— Хватайте его! — скомандовал мистер Уонка. — Быстрей!

Миссис Телик шустро протянула руку и выхватила с экрана миниатюрную фигурку своего сына.

— Ура! — закричал мистер Уонка. — Он цел и невредим!

— И это вы называете «невредим»? — огрызнулась миссис Телик, уставившись на крошечного мальчика, который бегал взад-вперед по ее ладони, размахивая своими игрушечными пистолетами.



Он был ростом не больше дюйма.

— Он стал совсем лилипутом! — воскликнул мистер Телик.

— Естественно, — ответил мистер Уонка. — А как могло быть иначе?

— Это ужасно! — простонала миссис Телик. — Что же нам теперь делать?

— В таком виде он не сможет больше ходить в школу, — сказал мистер

Телик. — Его же там затолкают и затопчут!

— Он теперь ничего не сможет делать! — рыдала миссис Телик.

— Нет, смогу! — пропищал голосок Майка Телика, — Я смогу смотреть телевизор!

— Никогда! — рявкнул мистер Телик. — Я выброшу его в окно, как только мы приедем домой! Хватит с нас телевизора!

Услышав эти слова, Майк Телик буквально впал в неистовство. С воплями и криками он начал скакать как сумасшедший по материнской ладони и даже пытался укусить ее за палец.

— Хочу смотреть телевизор! — верещал он. — Хочу: смотреть телевизор! Хочу смотреть телевизор! Хочу смотреть телевизор!

— Хватит! Ну-ка давай его сюда! — сказал жене мистер Телик.

Он снял мальчика с ее ладони и сунул в нагрудный карман пиджака, прикрыв сверху носовым платком: Карман сразу заходил ходуном от яростных попыток маленького пленника вырваться на свободу, а приглушенные вопли и крики доносились даже через платок..

— Мистер Уонка, — простонала миссис Телик, — как нам сделать, чтобы он снова вырос?

— Ну что ж, — произнес мистер Уонка, теребя бородку и задумчиво глядя в потолок, — это не так-то просто. Но маленькие мальчики невероятно эластичны. Они превосходно растягиваются. Пожалуй, мы сделаем йот что: мы пропустим его через специальную машину, с помощью которой я проверяю эластичность моей жевательной резинки. Возможно, таким способом нам и удастся вернуть его к прежним размерам.

— Я так вам благодарна! — проговорила миссис Телик.

— Не стоит, дорогая леди!

— И как вы думаете, на какую длину он может вытянуться? — спросил мистер Телик.

— Трудно сказать, — ответил мистер Уонка. — Возможно и на несколько миль. Правда, он станет тогда ужасно тонким. Любая вещь становится тоньше, когда ее растягивают.

— Вы имеете в виду жевательную резинку? — спросил мистер Телик.

— Совершенно верно!

— И до какой же степени тонким он станет? — тревожно спросила миссис Телик.

— Понятия не имею! — ответил мистер Уонка, — Впрочем, это абсолютно не важно, потому что мы можем запросто сделать так, что он снова поправится. Нужно только дать ему тройную супердозу моего замечательного Поливитаминного Шоколада, который содержит огромные

количества витамина А, витамина Б, витамина В, витамина Г, витамина Д, витамина Е, витамина Ж, витамина З, витамина И, витамина К, витамина Л, витамина М, витамина Н, витамина О, витамина П, витамина С, витамина Х витамина Ф, витамина Х, витамина Ц, витамина Ч, витамина Ш, витамина Щ, витамина Ъ, витамина Ы, витамина Ъ, витамина Э, витамина Ю и — хотите верьте, хотите нет — даже витамина Я. В этом шоколаде нет только двух витаминов: витамина Р, потому что от него у человека вырастают рога, как у коровы, и витамина Т, потому что от него начинает сильно тошнить. Но зато в нем содержится в очень небольших количествах самый редкий и самый чудесный витамин из всех — витамин Уонка!

— А что будет от этого витамина с нашим Майком? — тревожно спросил мистер Телик.

— От этого витамина пальцы ног становятся такими же длинными, как пальцы рук...

— Нет! — вскричала миссис Телик.

— Не говорите глупостей, — сказал мистер Уонка. — Это же ему очень пригодится в жизни — он, к примеру, сможет играть на рояле ногами.

— Но, мистер Уонка...

— Не спорьте, пожалуйста! — заявил мистер Уонка.

Он три раза щелкнул пальцами, и сейчас же рядом с ним откуда ни возьмись появился симпатимпас.

— Выполнить все эти распоряжения! — приказал мистер Уонка, вручив симпатимпасу листок бумаги с подробными инструкциями. — Мальчика найдешь в кармане отцовского пиджака. До свиданья, миссис Телик! До свиданья, мистер Телик! И не глядите так хмуро! Все уладится, уверяю вас, все уладится!

А в этом время в другом углу комнаты симпатимпасы, встав вокруг гигантской камеры, уже стучали в свои барабаны и медленно, ритмично раскачивались в такт песне.

— Снова они за свое! — сказал мистер Уонка. — Боюсь, они без этого не могут.

Маленький Чарли поймал руку дедушки Джо. Теперь они оба стояли рядом с мистером Уонка в центре длинной, ярко освещенной комнаты и слушали новую песню симпатимпасов. А пели они вот что:

Из всех аспектов воспитанья
Хотим мы (взрослым в назиданье)
Отметить, что любая мать

Должна и близко не пускать
Детей к экрану голубому.
А лучше — и совсем из дома
Убрать зловредный агрегат
Подальше от своих ребят.

Ведь что творится в нашем мире
Практически в любой квартире?
Везде, куда ни бросишь взгляд,
Мы видим, что они сидят,
Уткнув носы в телеэкраны,
И, как безмозглые бараны,
Все смотрят, смотрят целый день
На эту муть и дребедень!
Конечно, матери спокойней
Знать, что они на подоконник
Не влезут и наверняка
Не разнесут весь дом, пока
Она на кухне варит ужин
Иль затевает ссору с мужем.
Но спросим мы без громких фраз,
Подумала ль она хоть раз,
ЧТО ДЕЛАЕТ ПРОКЛЯТЫЙ ЯЩИК
ИЗ НИХ КРЕТИНОВ НАСТОЯЩИХ?
ЧТО ГУБИТ ОН, КАК ЛЮТЫЙ ТАТЬ
СПОСОБНОСТЬ МЫСЛИТЬ И МЕЧТАТЬ?
ЧТО ДУШУ ЮНОГО СОЗДАНЬЯ
ОН ЗАСОРЯЕТ ВСЯКОЙ ДРЯНЬЮ
И РАЗМЯГЧАЕТ СЛОВНО ВОСК
ОН НЕОКРЕПШИЙ ДЕТСКИЙ МОЗГ?
ЧТО, МИР ЧУДЕС ИЗБРАВ МИШЕНЬЮ,
ОН ПЫЛ ЖИВОЙ ВООБРАЖЕНИЯ
УНИЧТОЖАЕТ НАВСЕГДА?
Но спросят нас; «А чем тогда
Малюток наших хоть немногого
Развлечь?» И мы ответим строго;
«А в вашем детстве золотом,
Когда не ведал мир о том

Злоказненном изобретенье,
В чем было ваше развлеченье?
Забыли? Мы напомним вам!
Мы скажем громко, по слогам:
ВЫ-КНИ-ЖКИ-БЕЗ-КОН-ЦА-ЧИ-ТА-ЛИ!
И прочитав одну, хватали
Другую!» Что там говорить!
Без книг не мысля дня прожить,
Свой дом — от детской и до спальной —
Вы превращали в зал читальный!
Везде — по стульям и столам —
Валялись книги тут и там.
А вспомните, какие книги!
Про приключенья и интриги,
Про королев и королей,
Драконов и богатырей,
Китов, слонов и крокодилов
Среди болот непроходимых,
Про чудеса далеких стран,
Про тайны джунглей и саванн,
Про козни сказочных чудовищ,
Про трюмы, полные сокровищ,
Про каннибалов у костра,
Где кто-то жарится с утра...
А младшие глотали сказки
Про то, как ездил кот в коляске,
Про заколдованных девиц,
Про злых волков и про лисиц,
Про семерых портных, про зайцев,
Про трех укушенных китайцев,
«Как мистер Жаба выпил пруд»,
«Как заработал горб верблюд»,
«Куда девался хвост мартышки»...
О, Боже мой! Какие книжки
Читали с молодых ногтей,
Отцы сегодняшних детей!
Нет, мы отнюдь вас не неволим,
Но просим, заклинаем, молим:
ДОЛОЙ ИЗ ДОМА ЭТОТ ГРОБ!

А на пустое место (чтоб
Не пропадать ему без толку)
Вы книжную повесьте полку
Для неразумных ваших чад.
И пусть сперва они кричат,
Визжат, пихаются, дерутся,
Брюзжат, брыкаются, плюются —
Мы обещаем вам: пройдет
Каких-нибудь дней пять и от
Ужасной, нестерпимой скуки
Возьмут паршивцы книгу в руки!
И вскоре каждый сорванец
Понять сумеет наконец,
Как пошло, глупо и бездарно
Он проводил еще недавно
Свои досуги. Что за хлам
(Разврат с занудством пополам)
Он по утрам и вечерам
Смотрел по каждой из программ!
И он спасибо скажет вам,
За то что вы рукой железной
Спасли его над этой бездной.
Постскриптум. Пару слов о Майке.
Мы сообщим вам без утайки,
Что столь волнующий вопрос,
Удастся ль парню прежний рост
Вернуть — отнюдь не прост, а сложен,
И мы гарантий дать не можем.

28. ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ЧАРЛИ

— Ну, куда мы теперь направимся? — сказал мистер Уонка, повернувшись на каблуках и бегом устремляясь в лифт, — Нам надо торопиться! Времени совсем нет! Сколько детей еще осталось?

Чарли посмотрел на дедушку Джо, дедушка Джо посмотрел на Чарли и оба они посмотрели вслед мистеру Уонка.

— Но мистер Уонка, — окликнул его дедушка Джо, — остался... остался только один Чарли.

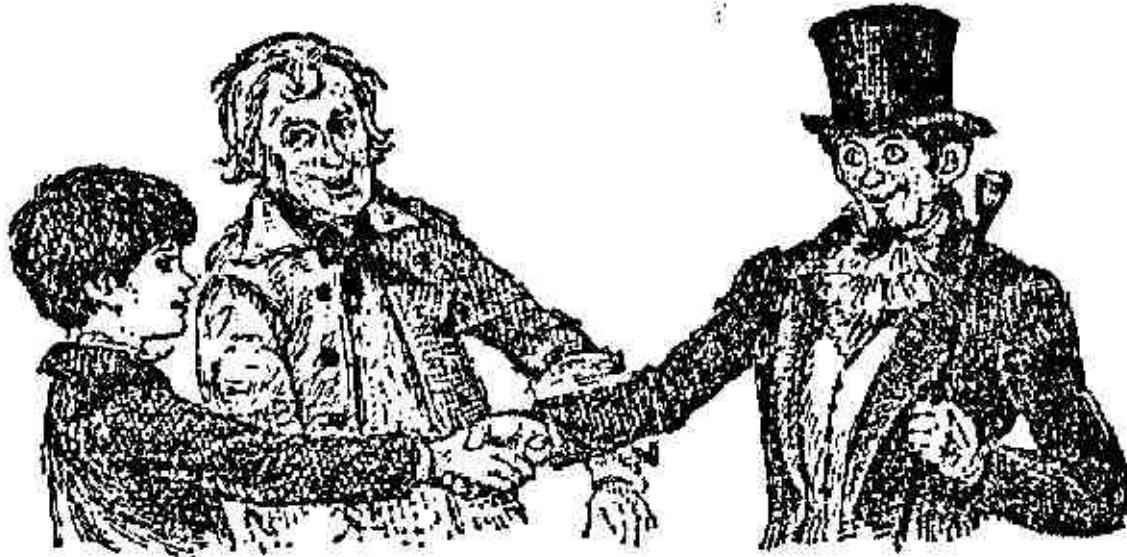
Мистер Уонка резко оглянулся и посмотрел на Чарли, который крепко держался за дедушкину руку. Наступило молчание.

— Ты хочешь сказать, что кроме тебя никого не осталось? — проговорил мистер Уонка, притворяясь удивленным.

— Ну да, — прошептал Чарли.

— Но мой юный друг! — внезапно закричал мистер Уонка в порыве искреннего восторга. — Это же значит, что ты победил!

Он выбежал из лифта и начал с таким энтузиазмом трясти руку мальчика, что чуть не оторвал ее.



— Я от души поздравляю тебя! — воскликнул он. — От всей души! Я восхищен! Лучше нельзя было придумать! Просто превосходно! Ты знаешь, с самого начала у меня было предчувствие, что победителем окажешься именно ты. Отлично, Чарли, отлично! Великолепно! Настоящее веселье теперь только начинается! Но нам никогда бить баклушки. Сейчас у

нас даже меньше времени, чем было раньше! До конца дня еще куча разных дел! Подумайте только, какие приготовления нам нужно сделать и скольких людей захватить с собой! Но, к счастью, у нас есть наш стеклянный лифт, с которым все будет гораздо быстрее! Прыгай сюда, дорогой Чарли! И вы, дорогой сэр! Нет, только после вас! Вот так! Ну, а теперь, теперь я буду выбирать кнопку!

Сверкающие голубые глазки мистера Уонка ненадолго остановились на лице Чарли.

«Сейчас произойдет что-то чудесное», — подумал мальчик.

Но он ни капельки не боялся. Он даже не был взволнован. Ему было только ужасно интересно. Примерно так же чувствовал себя и дедушка Джо, и, не отрывая глаз, следил за каждым движением мистера Уонка. А тот в это время старался дотянуться до одной из кнопок на потолке стеклянного лифта. Оба, Чарли и дедушка Джо, вытянули шеи, пытаясь разглядеть, что написано на табличке около этой кнопки.

Там значилось: ВВЕРХ И НАРУЖУ

«Вверх и наружу? — удивился Чарли. — Интересно, что это за цех?» Мистер Уонка нажал кнопку. Стеклянные двери закрылись.

— Держитесь крепче! — закричал мистер Уонка. И тут — хлоп! — лифт пулей рванулся вверх.

— Э-ге-гей! — закричал дедушка Джо.

Чарли, как прежде, уцепился за дедушкину ногу, мистер Уонка, как прежде, ухватился за ременный поручень, свисавший с потолка, но лифт на этот раз не делал резких поворотов и рывков — он шел вертикально вверх. Все выше, и выше, и выше. Все быстрей, и быстрей, и быстрей. Чарли даже слышал, как ветер свистит за стенами кабины.

— Э-ге-гей! — снова закричал дедушка Джо. — Ай да мы!

— Быстрей! — воскликнул мистер Уонка, ударив кулаком по стене лифта. — Еще быстрей! Если мы не увеличим скорость, мы не сумеем пробиться!

— Куда? — прокричал дедушка Джо. — Куда мы должны пробиться?

— Ха-ха! — воскликнул мистер Уонка. — Скоро увидите! Сколько лет я лелеял мечту нажать эту кнопку! Но до сих пор еще никогда этого не делал, хотя меня уговаривали много раз. Еще как уговаривали! Но меня останавливалась мысль о том, что придется пробить большую дыру в крыше фабрики. И вот теперь, ребята, — вверх и наружу!

— Но вы же не хотите сказать, — закричал дедушка Джо, — вы же не хотите сказать, что этот лифт...

— Именно! — воскликнул мистер Уонка. — Именно это я и хочу

сказать! Вверх и наружу!

— Но он же... он же... он же стеклянный! — выкрикнул дедушка Джо. — Он же просто разобьется вдребезги!

— Разумеется, он бы разбился, — со своей всегдашней безапелляционностью заявил мистер Уонка, — если бы был сделан из такого прочного стекла.

Лифт мчался вверх — все выше и выше, все быстрей, быстрей... Трах-тара-рах!

Прямо над головами пассажиров раздался невыносимый грохот крушащегося дерева и ломающейся черепицы.

— Все кончено! — закричал дедушка Джо. — Мы погибли!

— Ничего подобного! — хладнокровно ответил мистер Уонка. — Мы пробились! Мы вырвались наружу!

Он был прав, как всегда. Лифт пробил насквозь крышу фабрики и, словно ракета, устремился прямо в небо. Яркое солнце было в его стеклянный верх. Через несколько секунд лифт был уже в тысяче футов над землей.

— Этот лифт сошел с ума! — закричал дедушка Джо.

— Не надо бояться, дорогой сэр, — спокойно проговорил мистер Уонка и нажал другую кнопку.

Лифт остановился. Он остановился и завис между небом и землей, словно вертолет. Немного покачиваясь, он висел над фабрикой и надо всем городом, который раскинулся внизу, как картинка с почтовой открытки! Сквозь прозрачный пол Чарли видел крошечные дома и улицы, покрытые толстым слоем снега. Это все-таки довольно жуткое ощущение — стоять на стеклянной площадке так высоко в небе. Кажется, что под ногами ничего нет.

— У нас все в порядке? — встревожился дедушка Джо. — Каким образом эта штука держится в воздухе?

— Сахарная энергия! — ответил мистер Уонка. — Это огромная сила. Поглядите-ка! — воскликнул он, указывая вниз.

— Вон идут остальные четверо! Они расходятся по домам.

29. ОСТАЛЬНЫЕ ДЕТИ РАСХОДЯТСЯ ПО ДОМАМ

— Прежде чем заниматься чем-нибудь еще, мы просто обязаны спуститься вниз и проститься с нашими маленькими друзьями, — сказал мистер Уонка.

Он нажал другую кнопку, и лифт начал опускаться вниз. Вскоре он уже висел над самым входом в фабрику.

Внизу Чарли увидел троих ребят и их родителей — все они стояли кучкой перед воротами.

— Я вижу только трех, — сказал он. — Кого же не хватает?

— Очевидно, Майка Телика, — ответил мистер Уонка. — Но он вот-вот подойдет. Видишь эти грузовики?

Он указал на ряд больших крытых фургонов, стоявших вдоль тротуара.

— Да, — ответил Чарли. — А зачем они тут?

— Ты, наверно, забыл, что было написано на Золотых Билетах? Каждый ребенок получает запас всевозможных сладостей на всю оставшуюся жизнь. Каждому. — по полному грузовику. Они загружены под самую крышу. Ага, — проговорил мистер Уонка, — вон наш старый друг Огастес Глуп! Видишь его? Он садится с родителями в первый грузовик.

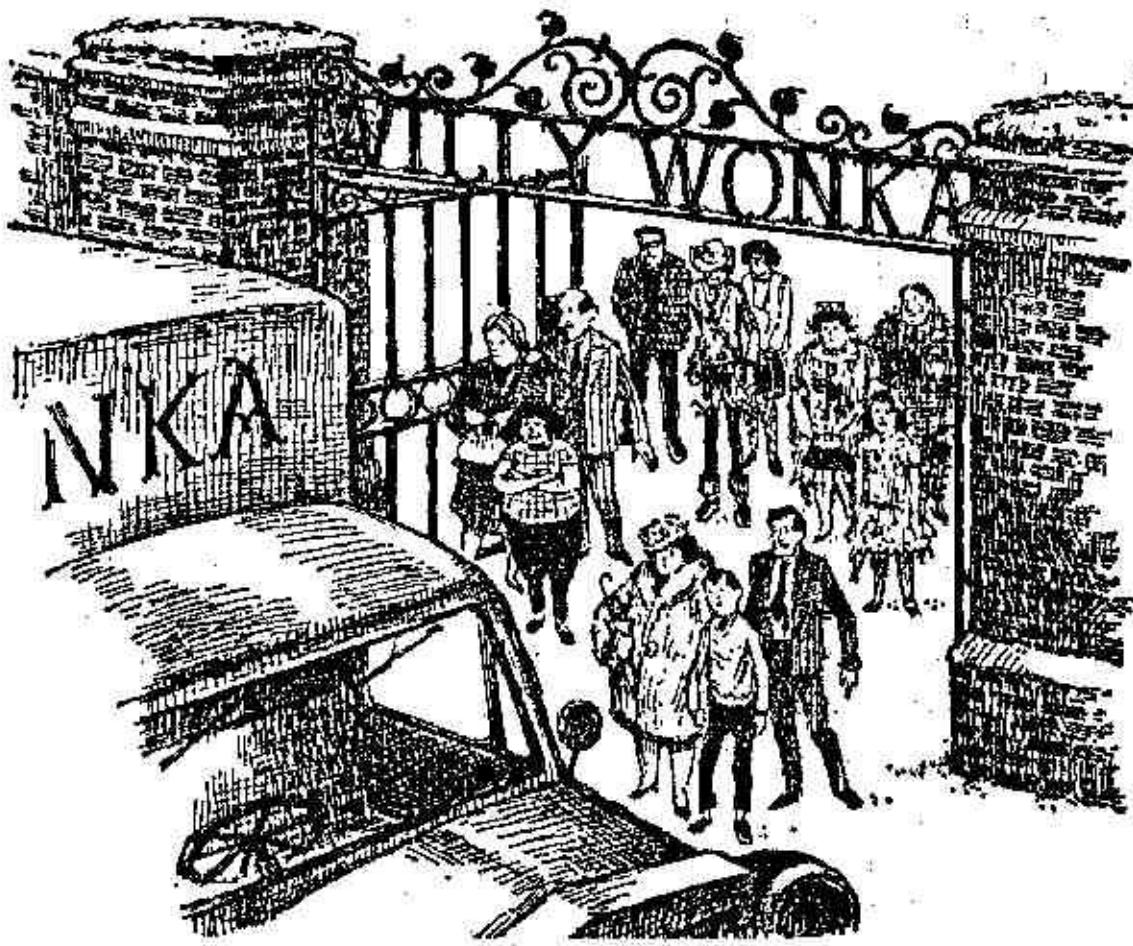
— С ним действительно все в порядке? — удивленно спросил Чарли. — Даже после того, как он побывал в той ужасной трубе?

— В абсолютном порядке! — ответил мистер Уонка.

— Но он слегка изменился, — проговорил дедушка Джо, глядя вниз сквозь стеклянную стену лифта. — Раньше он был таким толстяком, а сейчас тощ как хвош!

— Естественно, изменился, — смеясь сказал мистер Уонка. — Вы что забыли, как его сплющило в этой трубе? Смотрите! А вон знаменитая жевательница резинки мисс Виолетта Борегард! Кажется, ее в конце концов удалось выжать. Я ужасно рад! А как хорошо она выглядит! Гораздо лучше, чем раньше!

— Но ее лицо осталось фиолетовым! — воскликнул дедушка Джо.



— Увы! — ответил мистер Уонка. — С этим уже ничего нельзя поделать.

— Господи! — закричал Чарли. — Взгляните на бедную Веруку Солт и ее родителей. Они все в грязи с головы до ног!

— А вон и Майк Телик! — сказал дедушка Джо. — Боже мой, что они сделали с ним! Он же теперь нё меньше десяти футов росту!

— Его вытянули на машине для проверки на эластичность жевательной резинки. Но, кажется, малость перестарались, — ответил мистер Уонка.

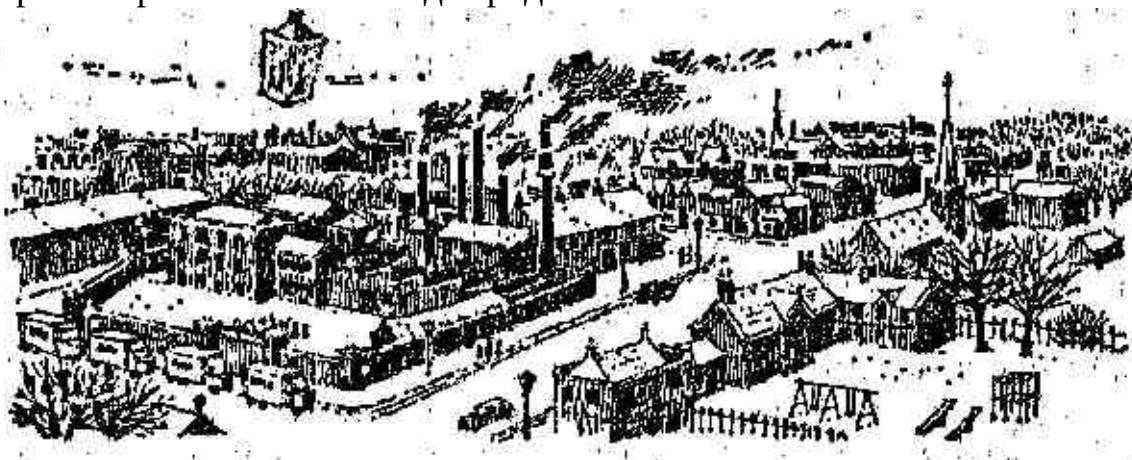
— Это ужасно! — воскликнул Чарли.

— Наоборот! — заявил мистер Уонка. Ему очень повезло. Теперь за ним будут гоняться баскетбольные тренеры всей страны! Впрочем, — продолжил он, — нам пора оставить этих бестолковых детей. Дорогой Чарли, мне нужно сказать тебе одну очень важную вещь.

Мистер Уонка нажал новую кнопку, и лифт опять взмыл в небеса.

30. ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА ЧАРЛИ

Огромный стеклянный лифт с дедушкой Джо, Чарли и мистером Уонка внутри теперь снова висел над городом.



— Я так люблю мою шоколадную фабрику! — с чувством сказал мистер Уонка, глядя вниз.

Он сделал паузу и с самым серьезным выражением лица повернулся к мальчику:

— А ты, Чарли?

— Конечно, люблю! — воскликнул тот. — Это, наверно, самое замечательное место на всей земле!

— Мне очень приятно слышать это от тебя, — сказал мистер Уонка. Он выглядел серьезным, как никогда.

— Да, — продолжал он, в упор глядя на Чарли. — Мне действительно очень приятно услышать это именно от тебя, и я сейчас скажу тебе почему.

Мистер Уонка по-петушиному склонил голову набок, и в уголках его глаз заиграла лукавая усмешка.

— Видишь ли, мой мальчик, — заговорил он, — я решил отдать ее всю тебе в подарок. Когда ты немного подрастешь и сможешь сам ею управлять, вся фабрика станет твоей.

Чарли в изумлении уставился на мистера Уонка. Дедушка Джо раскрыл было рот, но не смог произнести ни слова.

— Это чистая правда, — широко улыбаясь сказал мистер Уонка. — Я в самом деле отдаю ее тебе. Надеюсь, ты не против?

— Отдаете ее ему? — задохнулся дедушка Джо. — Наверно, вы шутите!

— Я вовсе не шучу, сэр. Напротив, я совершенно серьезен.

— Но... но... почему вы вдруг решили отдать свою фабрику маленькому Чарли?

— Послушайте, — сказал мистер Уонка. — Я уже немолодой человек. Я гораздо старше, чем вы думаете, и не могу руководить фабрикой вечно. У меня нет семьи и, естественно, нет детей. Кто возьмет все это в свои руки, когда я совсем состарюсь? Должен же кто-то сделать это — хотя бы ради симпатимпасов! Разумеется, есть тысячи взрослых и умных людей, которые отдали бы все на свете, чтобы получить мою фабрику, но мне не нужны такие люди. Мне вообще не нужны взрослые. Взрослый человек не будет слушать меня — он не в состоянии учиться. Он захочет все делать по-своему, а не так, как нужно мне. И поэтому я решил взять ребенка. Доброго, восприимчивого, смышленого ребенка, которому, пока я жив, я мог бы передать все самые сокровенные секреты кондитерского дела.

— И для этого вы придумали Золотые Билеты? — воскликнул Чарли.

— Совершенно верно! — сказал мистер Уонка. — Я решил, что приглашу на фабрику пятерых детей, и тот, кто мне понравится больше других; станет победителем!

— Подождите, мистер Уонка, — заикаясь, проговорил дедушка Джо, — выходит, что вы совершенно серьезно надумали отдать всю свою огромную фабрику нашему маленькому Чарли? В конце концов...

— Сейчас не время спорить! — воскликнул мистер Уонка. — Нам еще нужно захватить с собой родителей Чарли и тех, кто захочет отправиться с ними. С сегодняшнего дня они все смогут жить прямо на фабрике! Они будут помогать мне управлять фабрикой, пока Чарли не вырастет и не сможет делать это сам. Где ты живешь, Чарли?

Чарли сквозь стеклянный пол посмотрел вниз на крыши домов, покрытые густым снегом.

— Вон там, — сказал он, указывая пальцем. — Вот этот маленький домик на краю города. Самый маленький из всех...

— Вижу! — закричал мистер Уонка.

Он нажал несколько кнопок, и лифт устремился прямо к дому Чарли.

— Боюсь, мама не сможет поехать с нами, — грустно сказал Чарли.

— Но почему же?

— Потому что она не может бросить бабушку Джозефину, бабушку Джорджину и дедушку Джорджа.

— Но они тоже могут поехать с нами.

— Они не могут, — сказал Чарли. — Они совсем старые и уже двадцать лет не встают с кровати.

— Тогда мы их возьмем с собой вместе с кроватью, — решительно заявил мистер Уонка. — В нашем лифте найдется место и для кровати.

— Кровать нельзя вынести из дома, — сказал дедушка Джо. — Она не проходит в дверь.

— Не будем отчаиваться! — воскликнул мистер Уонка. — Нет ничего невозможного! Вот увидите.

Лифт уже висел над крышей маленького домика семьи Баккетов.

— Что вы хотите сделать? — закричал Чарли.

— Я хочу опуститься вниз и взять их с собой, — ответил мистер Уонка.

— Каким образом? — спросил дедушка Джо..

— Через крышу, — спокойно ответил мистер Уонка, нажимая очередную кнопку.

— Нет! — закричал Чарли.

— Остановитесь! — закричал дедушка Джо.

С невероятным грохотом лифт ввалился сквозь крышу прямо в спальню, где лежали на своей кровати бабушка Джозефина, бабушка Джорджина и дедушка Джо. На испуганных стариков, которые уже подумали, что настал конец света, дождем посыпались обломки досок, куски кирпича, цемента и черепицы, пыль, грязь и кучи пауков и тараканов с чердака. Бабушка Джорджина упала в обморок. Бабушка Джозефина выронила свою вставную челюсть. Дедушка Джордж забрался с головой под одеяло.

На шум из соседней комнаты прибежали мистер и миссис Баккет.

— На помощь! — кричала бабушка Джозефина.

— Не бойся, дорогая жена, — сказал дедушка Джо, выходя из лифта, — это всего лишь мы!

— Мама! — закричал Чарли, бросаясь в объятия миссис Баккет. — Послушай! Мы переезжаем жить на фабрику мистера Уонка и будем помогать ему управлять фабрикой, а потом, когда я вырасту, он отдаст ее мне и...

— Что ты несешь? — спросила миссис Баккет.

— Посмотри, что стало с нашим домом! — воскликнул мистер Баккет.

— Теперь это куча развалин!

— Дорогой сэр! — заговорил мистер Уонка, выскочив вперед и дружески пожимая руку мистера Баккета. — Вы не представляете, как я счастлив познакомиться с вами! Не стоит беспокоиться о вашем доме. С сегодняшнего дня он вам больше не понадобится!

— Кто этот ненормальный? — взвизгнула бабушка Джозефина. — Он

чуть не убил нас всех!

— Это, — произнес дедушка Джо, — сам мистер Уилли Уонка!

Немало времени пришлось потратить Чарли и дедушке Джо, чтобы в подробностях изложить, как они провели этот день. Но даже после всех рассказов домочадцы, как один, наотрез отказались переезжать на фабрику.

— Я хочу умереть в своей кровати! — кричала бабушка Джозефина.

— И я тоже! — плакала бабушка Джорджина.

— Никуда я не поеду! — заявил дедушка Джордж.

И тогда мистер Уонка, Чарли и дедушка Джо, не обращая внимания на протестующие крики, вкатили в лифт кровать со стариками и следом втолкнули мистера и миссис Баккет. Потом вскочили туда сами, и мистер Уонка нажал кнопку. Двери закрылись, бабушка Джорджина вскрикнула, а лифт, резко оторвавшись от пола, через дыру в потолке устремился в открытое небо.



Чарли взобрался на кровать к трем оцепеневшим от ужаса старикам и старался, как мог, успокоить их.

— Не бойтесь, — говорил он. — Это совсем не опасно! Скоро мы будем в самом замечательном месте на свете!

— А там найдется что-нибудь поесть? — спросила бабушка

Джозефина. — Я просто умираю от голода! Да и все остальные тоже!

— Что-нибудь поесть? — со смехом воскликнул Чарли. — О, скоро вы сами все увидите!

